

Пронзительная история, полная ностальгии,
невысказанной тоски и мучительного сожаления
о совершаемых в жизни ошибках.

Бет Морри

Незабываемая история
о любви во всех
ее проявлениях.

Woman's Weekly

О том, что происходит,
когда на пути любви
встает жизнь.

Daily Mail

Джоди Чапмен

Другая жизнь

Издательство «Синдбад»

2021

Чапмен Д.

Другая жизнь / Д. Чапмен — Издательство «Синдбад», 2021

ISBN 978-5-00131-485-1

«Другая жизнь» – это история Ника и Анны. Ему двадцать два, ей девятнадцать. Они подрабатывают летом в кинотеатре, пытаются сохранить свои отношения в секрете от коллег и друзей, говорят о поэзии и музыке и делятся мечтами о будущем. Анна выросла в семье, состоящей в религиозной общине, строгие правила которой не позволяют ей встречаться с «посторонним». Когда приходится делать выбор между любовью и семьей, Анна расстается с Ником. Он растерян и не пытается ее удержать... Спустя почти два десятилетия пути Ника и Анны снова пересекаются, и они осознают, что их сердца по-прежнему стремятся друг к другу. Но прошедшие годы воздвигли множество преград на пути к их счастью. Смогут ли Ник и Анна найти в себе силы преодолеть их или оставят в прошлом то, что было между ними, и пойдут каждый своим путем?

ISBN 978-5-00131-485-1

© Чапмен Д., 2021

© Издательство «Синдбад», 2021

Содержание

Часть 1	6
2018	6
Анна	11
Конец восьмидесятых	12
2003	14
Начало девяностых	18
2003	19
Конец восьмидесятых	24
Июль 2003	27
Начало девяностых	29
Лето 2003	30
Лето 2003	34
Конец восьмидесятых	36
2003	40
Конец девяностых	43
Лето 2003	47
Начало девяностых	52
Лето 2003	56
Лето 2003	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джоди Чапмен

Другая жизнь

Грегу и Роману, Реми и Вэлу

Ты никогда не задумывалась о том, что жизнь – это череда воспоминаний, прерываемая лишь мимолетным «сейчас», которое проносится до того стремительно, что порой и заметить не успеешь?
Теннесси Уильямс

Jodie Chapman
Another life

Copyright © 2021 JB Creative Ltd
Published in the Russian language by arrangement with *Madeleine Milburn Ltd* and *The Van Lear Agency*
Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2022

* * *

Джоди Чапмен родилась и выросла в Англии. В течении двенадцати лет работала свадебным фотографом, после успешного дебюта в 2021 году романом «Другая жизнь» целиком посвятила себя писательскому труду. В апреле 2023 года планируется выход ее второй книги «О, сестра».

Джоди живет в небольшой деревушке в графстве Кент с мужем, тремя сыновьями и кошкой Энни Холл.

Незабываемая история любви во всех ее проявлениях.
Woman's Weekly

Пронзительная история, полная ностальгии, невысказанной тоски и мучительного сожаления о совершаемых в жизни ошибках.
Бет Морри

О том, что происходит, когда на пути любви встает жизнь.
Daily Mail

Часть 1

2018

В первый раз ничего не вышло.

* * *

Утром, в канун Рождества, мой младший брат выбросился из окна своей манхэттенской квартиры. Пролетев семь этажей, он упал прямо в контейнер, засыпанный четырехфутовым слоем снега. Этот самый сугроб его и спас, изрядно смягчив падение. Метель не прекращалась всю ночь, и к утру снег, не успев заледенеть, был еще мягким. По той же самой причине брата нашли только три часа спустя, когда уборщица вошла в пустую квартиру и обнаружила, что окно распахнуто настежь. Семь этажей, четыре фута снега, три часа неподвижности и неба перед глазами. Не самая выигрышная комбинация, как ни крути.

Мне позвонили ближе к вечеру, незадолго до того, как в Лондоне начинается час пик. День прошел за бесконечными совещаниями в душных переговорных, напрочь лишенных окон. Надежды успеть на поезд раньше восьми у меня не осталось, и я уже представлял, какой скандал ожидает меня дома. Но тут в стеклянную перегородку постучали, и Джеки поманила меня к себе. «Ник, беда», – сказала она, когда я высунулся в коридор, и протянула мне телефон. Я схватил его, не обратив внимания на дверь, со всего размаха ударившую меня по плечу.

Когда я двенадцать часов спустя вошел к брату в палату и увидел его, окруженного мониторами, перед глазами тут же возникла картина из детства: вот мы с ним, совсем еще мальчишки, играем в доктора и больного – наматываем на запястья красные шерстяные нитки, которые стащили из маминой сумочки со швейными принадлежностями, и прикрепляем их к картонным коробкам. Мы старательно воспроизводим больничные звуки: протяжный, низкий писк приборов, неутешительные прогнозы врача, рыдания жены больного. И вот, спустя почти тридцать лет, мы вновь затеяли эту игру. Только на этот раз приборы пищат взаправду и никто не плачет.

– Ну и видок у тебя, – сказал он.

Я кивнул.

– А Тилли где?

Сэл отвернулся к окну.

– Мы расстались.

Мне сказали, что он раздробил себе всю нижнюю часть позвоночника. И теперь парализован от пояса до самых кончиков пальцев. Выжил чудом. Ходить уже никогда не сможет. Доктор произносил эти слова бойко, будто вызубренный перед походом в магазин список продуктов.

Но каждое из них пулей вонзалось мне в сердце.

Когда Сэла наконец выписали, я перевез его домой, на Манхэттен, и обустроил ему в гостиной новую спальню. Отсюда открывался лучший вид во всей квартире – не на кирпичные стены и не на убогие окошки в чужую жизнь. Мне вспомнилось, как он любил подолгу смотреть на небо, когда мы были маленькими. Как мы проводили летние деньки на полях за домом, лежа в высокой траве и наблюдая за самолетами, как порой, сидя в машине, наблюдаешь за каплями дождя на оконном стекле, делая ставки, какая из них стечет вниз первой.

Выяснилось, что если слегка развернуть новую кровать, то в окно, между высотками, Сэлу будет виден кусочек неба. Я так и сделал.

Я пропустил обратный рейс и пробыл в Нью-Йорке почти четыре месяца. Иногда мы с Сэлом смотрели телевизор, иногда – играли в карты, а порой просто сидели и молчали, будто ожидая чего-то. Я никуда не выходил из квартиры, пока не придет уборщица и не подменит меня. Первые дни я подумывал отказаться от ее услуг, но Глория быстро стала моим спасательным кругом, шансом глотнуть свежего воздуха и увидеть хоть что-то кроме стремительного увядания моего брата.

Я приноровился просчитывать все заранее. Приучил себя плотно закрывать все окна в доме, а если уж открыл одно, всегда стоять рядом. Риски пожара от этого возрастали, но все равно они были существенно ниже, чем вероятность рецидива. Я выбросил бритву и, впервые почти за десять лет, отрастил бороду. А еще избавился от ремней, надежно спрятал ножи, приучил себя терпеть головные боли. Полагаться на волю случая в моем положении не приходилось.

Я забрал у Сэла мобильник – теперь он лежал либо на полке в комнате, либо на кухне. Он просил его редко, но я все равно следил за тем, чтобы телефон не разрядился – на случай, если он вдруг передумает.

По меньшей мере раз в день трубка разрывалась от звонков Тилли. Сэла они, казалось, нисколько не интересовали, и через несколько недель, когда мобильник в очередной раз зазвонил, я и вовсе отключил звук. На экране появилась ее фотография – кокетливо оголенное плечо, драматичный взгляд несчастной инженеру – зная Тилли, нетрудно было догадаться, что она сама выбирала этот снимок. Я смотрел на нее и кипел от ненависти, борясь с желанием разбить экран вдребезги. Но терпеливо дождался, пока вызов завершится.

Однажды вечером, под конец особенно напряженного дня, за который мы с братом не перекинулись ни единым словом, я схватил с кухонного стола вибрирующую трубку, отошел подальше от двери в гостиную и нажал «ответить».

– Чего тебе?

– *Mon amour*¹. Сальваторе, милый мой, бедняжка! – Ее голос с заметным акцентом как острый нож вспорол тишину, которой вот уже месяц полнилась квартира.

– Это его брат.

– А... – Она замялась на мгновение. – А Сальваторе рядом?

– Он не хочет с тобой разговаривать, Матильда, – ответил я. Она терпеть не могла свое имя, и я прекрасно знал об этом.

– Передай ему, что я очень скучаю.

Мне безумно захотелось выкинуть мобильник в окно, чтобы голос Тилли потонул в снегу.

– Еще что-нибудь?

– Передай, что... что я не могу без него... – Ее четки звонко стукнули о динамик, и мне живо представилось, как она, прижав телефон к плечу, поправляет волосы, глядя в зеркало. – И что я порвала с Четом, потому что никого не смогу полюбить так же сильно, как моего Сальваторе. Обязательно передай, ладно, котик?

– Матильда?

– А?

– Не звони сюда больше, пожалуйста, – сказал я и со всей силы швырнул трубку об пол, тихо выругавшись. А после застыл, ожидая оклика. Но его так и не последовало.

¹ Любимый (фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.

* * *

С приходом тепла и сам город, казалось, смягчился и оттаял. На деревьях вдоль асфальтовых авеню набухли почки, а прохожие сбросили наконец пальто и дутые куртки. По ту сторону окна все с облегчением встречали весну. А по эту мы с Глорией продолжали свое неусыпное бдение.

В начале апреля в нашем с братом общении наметился сдвиг. Произошло это по моей вине, точнее, из-за моей нелепой тяги к единению.

В букинистическом отделе книжного на углу 12-й улицы и Бродвея я наткнулся на небольшой сборник стихов Лонгфелло. Домой я бежал со всех ног – мне не терпелось поделиться с Сэлом своей находкой.

– Вот это помнишь? – спросил я, передав ему книгу и ткнув пальцем в заглавие одного из стихов в самом верху страницы. «Детский час». – Помнишь, как папа его чуть ли не в лицах разыгрывал? Нас потом еще долго бессонница мучила!

Сэл взглянул на заглавие и ничего не ответил.

– Ну? Что скажешь? – Казалось, мой восторг был единственным лучиком света в комнате.

– На что тебе сдались эти бесконечные воспоминания?

На ужин я приготовил тосты с фасолью. За зиму я поднаторел в кулинарии, решив посвятить время вынужденного заточения поварским экспериментам, а заодно хоть как-то разнообразить череду мрачных дней. Так, я освоил довольно хитрый рецепт рататуя (по очевидным причинам я готовил его из овощной нарезки, купленной в магазине) и научился делать суфле как заправский кондитер. Но в тот вечер я, взяв пример с брата, решил особо не заморачиваться. Выразить свой гнев словами я не мог и потому показал его делом, с громким стуком опустив поднос с тостами на надкроватный столик.

Сэл поднял на меня изумленный взгляд, и я вдруг стал сам себе бесконечно противен.

Однажды ночью я проснулся от его плача и, пошатываясь со сна, поспешил в гостиную. Сэл, приподнявшись на локтях, смотрел на свои безжизненные ноги и рыдал как младенец. Когда я обнял его, кожа у него была холодная и влажная, а футболка – насквозь мокрая.

– Я так больше не могу, – задыхаясь от рыданий и всхлипывая, словно маленький мальчик, сказал он. – Не могу больше смотреть на нее. Стоит мне только зажмуриться – и она тотчас же тут, перед глазами! И всегда молчит, а мне бы так хотелось, чтобы она заговорила! Чтобы я снова услышал ее голос! Где она?

Я знал: он спрашивает вовсе не о Тилли.

– Без понятия, Сэл.

– Мы с ней еще увидимся?

Я пожал плечами:

– Может быть. А может, и нет. Не знаю.

Сэл всегда отличался пытливостью. Когда мы еще были подростками, тетя Стелла устроила нас к себе в офис на подработку. Работала она в страховой компании, где нам первым делом велели заносить данные о новых клиентах в электронную базу.

Стажировать нас поручили женщине по имени Мэнди с заунывным, как погребальная песнь, голосом. У нее была густая копна волос, явно переживших химическую завивку, а еще она носила круглые, как бутылочные крышки, очки. Всякий раз, когда она готовила кофе, наливая воду из кулера, висевшего на стене, осадок вспенивался и поднимался на поверхность. Получив такое вот угощение в свой первый рабочий день, Сэл сделал вид, будто его вот-вот стошнит.

– Лучше убрать эту гадость, – скривившись, сказал он.

– Да нет, мне и так нравится, – ответила Мэнди, причмокнув губами. – Похоже на капучино!

Пока мы вбивали информацию в базу, Мэнди сидела рядом и давала нам указания, шумно потягивая кофе. Не старше сорока, нам она тогда казалась настоящей старухой. На этой должности она проработала уже не одно десятилетие и явно была очень ею довольна. Ее хомячьи щеки подрагивали от восторга – так сильно ее радовала мелочная власть над нами, которой ее наделили.

– Вписываете имя, выбираете из выпадающего списка звание или титул, нажимаете на кнопку «далее». Потом вбиваете адрес, добавляете индекс в одноименное поле, ставите галочку в маленьком квадратике и опять жмете «далее». После этого...

– Но для чего? – поинтересовался Сэл.

– Как для чего?

– Для чего этот самый квадратик, в котором надо поставить галочку?

Мэнди нахмурилась. Вид у нее сделался крайне сосредоточенный – как у человека, который мучительно обдумывает ответ.

– Так положено.

– Нажатие включает какую-то опцию? – уточнил Сэл, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. – Или как? Что дает этот квадратик? И галочка? Точнее, *зачем* ее ставить? И что будет, если этого не сделать?

Мэнди беспокойно заерзала в кресле – ей явно не нравилось, что разговор принял такой неожиданный оборот.

– Это не важно. Просто так надо. В этом квадратике всегда ставят галочку.

Сэл старательно избегал моего взгляда. Шумно, разочарованно выдохнув, он вновь вернулся к монитору.

– Ладно, проехали. Но, как по мне, нам бы неплохо знать, что тут к чему и зачем.

После той стажировки Сэл ни разу не работал в офисе. Но поток «зачем» да «почему» так и не иссяк.

– Расскажи мне о ней, – попросил он теперь, смяв в руке край одеяла. – Я уже начинаю забывать подробности, и это невыносимо. Расскажи все, что помнишь.

Я слегка отстранился.

– Не понимаю, чего ты от меня хочешь.

– Правды. Я хочу правды. Пожалуйста.

Я слотнул ком, подступивший к горлу.

– Помнится, не так давно я заводил разговор о папе...

– О нем я говорить не хочу. Да и ты не горишь желанием. Почему о самом главном ты всегда молчишь?

Я посмотрел в окно, на улицу, по которой плясал желтый свет фар. В полумраке мерцали неоновые вывески. По ту сторону плотно закрытых окон жизнь продолжалась.

Сэл потер глаза костяшками пальцев.

– Мне нужно с ней увидеться. Нет больше сил ждать. – Он кивнул на свои ноги, укутанные одеялом: – Погляди на меня, ну что мне еще остается?

– Ты же знаешь, она очень тебя любила, – сказал я, помолчав. Я сидел на краю кровати и смотрел на ночной город, освещенный тысячей лампочек. – Ты ни в чем не виноват. В жизни всякое бывает.

Сэл посмотрел на меня как на полного идиота.

– Неужели спустя столько лет ты так ничего и не понял? – спросил он. – Это я во всем виноват. Я один.

Если бы я только знал, что это наш последний разговор, непременно обнял бы Сэла, прижал к себе эти изуродованные ноги и ранимое сердце. Непременно убедил бы его, что еще

не все потеряно, напел бы всякой чуши и обязательно повесил бы замки на все до единого шкафчики в доме.

* * *

Но вышло иначе.

* * *

Я уснул, свернувшись калачиком у него в ногах, а утром, когда в назначенный час, как обычно, пришла Глория, принял душ и решил пройти несколько кварталов до кондитерской на Спринг-стрит и купить любимые пирожные Сэла. Перед выходом я прошел через гостиную – брат крепко спал, утреннее солнце золотило его светлые волосы.

На нью-йоркских улочках зной уже набирал силу. Я перешел на другую сторону дороги, в тени, и поравнялся с двумя девушками лет девятнадцати, одетыми в летние платья. Одна из них смеялась над шуткой спутницы, и я невольно обернулся им вслед, подумав о том, что в жизни горе всегда идет рука об руку с красотой, и тут уже ничего не поделаешь.

На обратном пути у меня зазвонил телефон. Это было где-то в девятом часу.

Выяснилось, что ко мне подъехал курьер, вот только наотрез отказался подниматься на седьмой этаж за подписью получателя. Глория, зная, что он привез мне важные документы с работы, быстро проверила окна и спустилась вниз, чтобы забрать их. По ее словам, она отсутствовала минут шесть, не больше.

За это время мой младший брат скатился с кровати, протасил свое изувеченное тело по ковровому покрытию пола на тесную кухоньку, открыл шкафчик под раковиной, взял бутылку с остатками жгучего моющего средства, открутил крышку и выпил все до капли.

Я часто вспоминаю тот роковой день. Свой дурацкий восторг от сборника стихов и общих воспоминаний, лицо брата, когда я раздраженно поставил перед ним поднос, и то, что последним, чем я попотчевал его в этой жизни, были тосты с фасолью, черт бы их побрал.

* * *

Знаю, многие любят Нью-Йорк.

Он живет в каждом из нас, в рождественских фильмах, увиденных в детстве, в строках Боба Дилана и других ныне покойных битников, в Сэле, который приехал в этот город отдохнуть и остался навсегда, и во всех тех, кто поговаривает о возвращении. Даже те, кто никогда здесь не бывал, говорят о Нью-Йорке так, будто знают его как свои пять пальцев. Признаться, и я мечтал, что однажды сюда приеду, что мы тут же отправимся гулять у ратуши и будем держаться на улице за руки, что я полюблю это место, ведь его так любила она. В моих мечтах о Нью-Йорке она всегда была рядом, а я чувствовал себя победителем.

Вот только приехать сюда мне пришлось ради спасения брата, а уехать – с его телом в гробу. Я не оправдал возложенных на меня надежд, а город обманул мои.

Знаю, многие любят Нью-Йорк.

А я его ненавижу.

Анна 2003

Мы познакомились в начале лета. Она носила платье на узких бретельках, которые врезались в плечи, а я украдкой любовался ее фигурой. Каждый раз я затевал с самим собой мысленную игру. Повторял про себя мантру: «Не пялься на грудь, не пялься на грудь» – и старался не сводить глаз с ее губ. Почему-то на них я мог смотреть без всякой неловкости. Но эта ее фигурка, очерченная тонкой тканью платья...

Знаю, мне стоило бы упомянуть про цветение. Сказать, что тогда оно подходило к концу и все кругом было усыпано лепестками, поэтому-то я и запомнил, что лето только начиналось. Но кого я обманываю? Я запомнил лишь платье и фигурку под ним.

Китс, пошел ты к черту. Все мужчины одинаковы. Цветение не остается у нас в памяти.

Конец восьмидесятых

Говорят, что память недолговечна.

Когда событие только случается, мозг фиксирует все детали, но потом, с годами, картинка блекнет, пока от нее не остается один только контур. А вот с мамой получилось наоборот. Сперва, когда она только исчезла, ее не стало и в моей памяти. Видимо, мозг по вполне понятным причинам – самосохранения ради, или вроде того, – вытеснил все воспоминания о ней, но когда я стал старше, они время от времени возвращались, причем шквалом. Будто бы их спрятали в надежном месте до поры до времени, пока я не подрасту настолько, чтобы выдержать всю эту боль.

Некоторые из них были непосредственно связаны с чувствами. Стоило мне только услышать некую песню или пройти по определенной улице, и ко мне, будто по шелчку, возвращалось воспоминание. Тогда я замирал, чтобы его не спугнуть, в надежде, что воображение дорисует все остальное.

Чаще всего вспоминались касания или звуки.

Попробую объяснить.

Я помню прикосновение ее пальцев – шершавых на ощупь, точно бинт. Руки у нее были вечно сухие от воды, мыла и бесконечной возни с грязной посудой (а все из-за нас), а вокруг ногтей топорщились крошечные лоскутки обкусанной кожи. Иногда она брала мое лицо в ладони, и пальцы скользили по моей коже чуть ли не со скрежетом.

Сэл мне как-то рассказывал, что ярче всего он помнит, как играл ее волосами.

Она временами садилась в бледно-зеленое кресло, украшенное птицами и цветами, – они с папой купили его в «Хэрродс» на деньги, подаренные им на свадьбу, – и распускала свои золотистые локоны. А мы с Сэлом, притворившись парикмахерами, по очереди причесывали ее и украшали ей голову заколками.

– Ну, мальчики, уж постарайтесь на славу! – говорила она, опускаясь в кресло. – Сделайте из меня писаную красотку!

Волосы у нее были густые и теплые, но после каждого прикосновения расчески на пол неизменно летели золотистые нити. Я жалею, что тогда не срезал у нее прядку и не спрятал в конверт, как часто делают родители, когда впервые подстригают свое дитя. На память.

* * *

Звуки.

Как-то раз она сидела в центре города на скамейке и наблюдала, как мы лазаем по детской площадке. Бетонные плиты поблескивали после утреннего дождя. Я полез на рукоход, но перекладины оказались влажными и скользкими, и я упал и подвернул лодыжку. Я лежал на земле, схватившись за большую ногу, а мама бросилась ко мне. Трудно описать тот звук, с каким ее кожаные туфли торопливо ступали по влажной земле: какой-то влажный, лощеный стук. Лет десять спустя я шел по школьному двору, и мимо меня пробежала девочка. Видимо, в такой же обуви, и в тот день тоже шел дождь, потому что из-под подошв у нее доносился точно такой же звук.

Помню, что тогда я поднес кулак к губам, и рот наполнился леденящим вкусом крови.

* * *

Папа.

Каждый год на Рождество он сажал нас в машину и катал по округе, чтобы мы полюбовались праздничным убранством соседних домов и улочек. Мама наливала нам с собой полный термос горячего шоколада, и мы медленно скользили по улицам, сжимая в руках эмалированные кружки, выглядывая в окна и что-то воркуя себе под нос. У нас тогда было туго с деньгами, и папа не видел смысла в том, чтобы целую субботу распутывать нескончаемые праздничные гирлянды, вместо того чтобы сыграть в гольф или посмотреть его по телевизору.

– С улицы они все равно выглядят лучше всего, – заметил он однажды. – Так зачем тратить время и деньги на то, чтобы улаждать соседей, когда можно самим прокатиться по району и полюбоваться на их украшения совершенно бесплатно?

Пожалуй, в какой-то логике ему не откажешь.

Муниципальные дома всегда были украшены по высшему разряду и не шли с остальными ни в какое сравнение.

– И откуда они только деньги берут, – обычно ворчал папа, а потом кивал на гигантского надувного Санту с восторженным: – Мальчишки, смотрите!

Но самый красивый дом мы оставляли напоследок. Стоял он в тупике, в конце 60-й улицы, длинной, прямой, окруженной с обеих сторон приземистыми особнячками. В самом дальнем углу, стоило только завернуть на улицу, в глаза сразу бросалось большое бунгало. Именно оно каждый год сильнее прочих радовало своим убранством. По легенде там жила пожилая бездетная пара, которая каждый декабрь щедро украшала свой дом, чтобы привлечь окрестных детишек. Супругам, дескать, хотелось, чтобы их помнили, пусть даже и чужие дети.

– Ну что, Сэл, готов? – спрашивал папа и включал поворотник. Сэл в этот миг не помнил себя от радости. Не знаю, оттого ли, что мы подъезжали к дому, или потому, что папа его выделял.

У дома тянулась вверх огромная, с телеграфный столб, ель, увешанная электрическими гирляндами, которые сверкали и перемигивались. Посреди лужайки стоял привычный рождественский вертеп, окруженный толпой зеленых и красных эльфов в башмаках с загнутыми кверху носами. Над гаражом высился огромный Санта-Клаус верхом на груженном подарками и украшенном колокольчиками санях с запряженным в них быстроногим оленем Рудольфом. Тропинки украшали карамельные тросточки, вход охранял снеговик, а все до единого окна подсвечивались электрическими гирляндами разных форм и расцветок. По фасаду дома проходила яркая белая гирлянда – она очерчивала контуры дома, дверей и окон. Если смотреть на такую несколько секунд неотрывно, а потом крепко зажмуриться, то перед глазами проступят очертания дома. Всякий раз, когда мы с Сэлом брались рисовать на бумаге домики, у нас неизменно получалось то самое бунгало в конце тупика, опутанное сверкающей сетью гирлянд. Интересно, забыл ли он об этом – или нет, как и я.

Еще я помню маму, сидящую рядом с папой. Он обнимает ее одной рукой, а другой придерживает руль. Они сидят на кожаном диванчике, какие часто встречались в автомобилях пятидесятых годов. Мамина голова покоится у папы на плече. Воротник у него поднят, и он покачивает головой в такт рождественским песням, которые крутят по радио. Кожа его еще не изрезана морщинами.

Вот только винтажного автомобиля у нас никогда не было, как и кожаного диванчика – так сказал папа, когда я впоследствии его обо всем этом расспрашивал. Быть может, эта картинка врезалась мне в память, когда я увидел обложку какого-то музыкального альбома или старый фильм, а то и вовсе сон. Но я помню эту сцену во всех подробностях и готов поклясться на Библии, что я вовсе ее не придумал, я помню ее так же отчетливо, как скрип шин на снегу и аромат, разливавшийся в воздухе, стоило только открыть подарочную коробку шоколадных конфет рождественским утром.

И я всегда буду верить, что все было в точности так, как подсказывает память.

2003

Когда мы с Анной познакомились, она встречалась с парнем. Во всяком случае, поначалу. Насколько я помню, на лето он улетел в Австралию, но это была туманная история, а подробностей я у нее никогда не спрашивал. Как-то раз девчонки в комнате для персонала завели разговор о том, что ни разу не видели их вместе. Одна даже сказала, что сомневается в его существовании. Но Лиза, подружка Анны, быстро заткнула всем рты.

– Они расстались, – пояснила она, но рассказывать о причинах наотрез отказалась. – Но он и впрямь существует.

Анна была не из тех, кого заботит чужое мнение. Я сразу обратил на это внимание. Как и на то, как она мне представилась в мой первый рабочий день. Даже в неприглядной форме работников кинотеатра она невольно цепляла взгляд. Девчонки звали ее дурнушкой; лицо у нее и впрямь было необычное, а в его угловатых чертах угадывались дерзость и сила, но напрочь отсутствовало изящество. Я в жизни таких лиц не видел, и пускай всякий раз, когда Анна выходила из комнаты для персонала, там вспыхивали жаркие споры о ее внешности, я в них никогда не участвовал. Меня она ни капельки не смущала.

Мы с ней распахнули двойные двери в кинозал. Не помню, какой тогда шел фильм, но все билеты были раскуплены, а когда начались финальные титры, мы прижались к дверям спинами, дожидаясь, пока поток зрителей не выплеснется наружу.

– Привет, меня зовут Анна, – представилась она и протянула мне руку. – Ты тут новенький, да?

Помнится, я что-то робко промямлил в ответ, сжимая ее ладонь. Мало кто из девятнадцатилетних может похвастаться привычкой пожимать руки при знакомстве, но Анна, как я уже говорил, разительно отличалась от всех. Не помню, как я взял у нее номер телефона, но жизнь ведь и состоит из череды крошечных побед, которые напрочь стираются из памяти.

Во время следующей смены мы снова встретились. Я переступил порог служебной комнаты без окон и увидел, что Анна сидит за столом с книгой и бутылкой воды. Она коротко мне улыбнулась и опустила взгляд на страницу. Следом в комнату проскользнул парень по имени Дейв и начал во всех красках описывать девушку, которую он только что обслужил, а заодно и все то, что бы он с ней сделал, будь у него такая возможность. Анна и бровью не повела, и тогда он сменил тактику, заявив, что читать книги в век интернета – это, дескать, пустая трата времени. Анна по-прежнему не обращала на него внимания. Тогда он спросил у меня: «А тебе какие телки нравятся?» – и сообщил, что его самого привлекают рыжеволосые бестии с пышным бюстом, развязные, но ни в коем случае не шлюховатые. Я в ответ лишь пожал плечами и сказал, что как такового типажа у меня нет, но мне нравятся умные девушки. Ах да, сказал он, откинувшись на спинку стула, в библиотеке тоже можно встретить горячую штучку! И отделать ее прямо на стопках книг, да так, чтобы очки слетели! Он хохотнул. Да нет у меня никаких таких фантазий, сказал я. Просто люблю начитанных. Тут Анна подняла на меня взгляд.

«Ты же понимаешь, что она тебе не даст, а? – спрашивали все. – Мы все пытались – пустой номер. Редкостная недотрога».

Анна исповедовала одну из тех религий, адепты которой смотрят на все обыденные радости жизни свысока. Празднование Рождества и дней рождения, попойки, секс до свадьбы – все это было у нее под строжайшим запретом. И ее парень разделял эти убеждения. Кто-то, может, и вовсе назвал бы их религию культом, но я воздержался бы от таких определений. Как-никак – каждому свое. Иногда они подбрасывают мне листовки. На прошлой неделе я поднял одну с коврика у двери, уставился на нее на мгновение, а потом скомкал. Я выжал из этого комка весь воздух, смял его с такой силой, что он стал совсем крошечным, и только потом выбросил в корзину для мусора.

Сперва мы мало разговаривали. В наши обязанности входила проверка билетов, а после каждого сеанса мы должны были заходить в зал и выгребать оттуда мешочки из-под попкорна и стаканчики. Пока мы убрали во мраке, по экрану еще ползли финальные титры. Когда случался аншлаг, к нам на помощь обычно приходила парочка других ребят, чтобы вынести из зала все, что оставили после себя предыдущие зрители, пока их место не заняли новые. Они подпевали финальному саундтреку или затевали партию в бейсбол с метлой и пустыми стаканчиками – а все ради того, чтобы покрасоваться перед девушкой. Анна вознаграждала их усилия разве что редкой улыбкой. Она предпочитала держаться сама по себе.

Но в первые жаркие выходные того лета все изменилось.

Ребята с работы собрались в Истуэлл – посидеть у руин древней церкви, искупаться в озере. Дейв сказал, что Анна тоже туда собирается вместе с Лизой. Возможно, будет еще пара девчонок. Потом он спросил, не хочу ли я присоединиться, и я обещал подумать.

Истуэлл был совсем недалеко, поэтому в воскресенье, где-то в середине дня, я достал холодное пиво, которое прикупил накануне, во время смены, положил его в пакет и пошел по полям к церкви. Обычно на дорогу уходило минут пятнадцать, но в тот день стояла невыносимая жара, от которой голова у меня моментально взмокла. Я решил не спешить. Мимо пронеслась машина: изо всех окон торчали локти, а из динамиков доносилась какая-то популярная песня. Я тут же узнал автомобиль – он принадлежал Лизе – и мне подумалось: интересно, есть ли среди этих торчащих локтей локти Анны.

От церкви, построенной в XV веке, теперь остались одни руины, заброшенные и окруженные могильными плитами, надписей на которых уже было никак не разобрать. Поговаривали, что в ней обитают призраки. Я уже бывал тут в детстве. Мы с Сэлом тогда скакали по могилам, пытаясь распознать имена и даты жизни.

Я слышал их раньше, чем увидел.

Под деревьями стояли две машины, а вся компания разлеглась на траве у озера в полуобнаженном виде и звонко хохотала над какой-то шуткой. Солнце сияло высоко в безоблачном небе, водная гладь блестела, точно стекло.

Кто-то из них заметил меня и помахал, а следом и все остальные обернулись в мою сторону. Я пригладил волосы и неловко кивнул. Но Анны среди них не было.

Лиза громко кричала на Дейва. Она держала открытый тюбик с солнцезащитным кремом, белевшим у нее на руках еще не растертыми полосами. Дейв кинул в нее пучок травы, и тонкие стебельки прилипли к коже. Она отчитывала его и хохотала, прихлебывая «Ред Булл». Остальные тоже смеялись. Но Анны среди них не было.

Я достал банку пива из своего пакета и предложил ее собравшимся. Одна из девушек потянулась за ней и улыбнулась, когда наши пальцы соприкоснулись. Она выпятила грудь и скрестила ноги, а потом снова их выпрямила. Я достал еще банку, на этот раз себе, и пошел к воде.

Я старался не думать, почему она не приехала.

Озеро было большое, окруженное деревьями, а через него переброшен маленький мостик. По центру вода была темной, кишасей водорослями. А ближе к берегу – нежно-голубой, хотя оценить ее глубину со стороны все равно не получалось. По водной глади бежала рябь, и мое отражение подрагивало.

– Прыгай! – велел чей-то голос.

Я обернулся и увидел Анну в стороне от прибрежных зарослей, у каменистого склона. Нижняя часть ее тела скрывалась в толще воды.

Я улыбнулся и вскинул в воздух банку пива.

– Я бы с удовольствием, но, увы...

– Я подожду, – ответила она. – Хотя вообще-то умираю от жажды.

Она оттолкнулась от камней и устремила ко мне, а я подался вперед и протянул ей банку. Пока она неспешно пила, я наблюдал за ней и невольно заметил, что от воды ее волосы совсем почернели.

– Спасибо, – сказала она, возвращая мне банку. – Тут еще тебе осталось.

Я кивнул на воду:

– Как глубина?

Она улыбнулась и вскинула брови.

– А ты прыгни и сам проверь, – сказала она и, оттолкнувшись от берега, поплыла прочь.

Я поднялся на ноги и уставился на озеро. Я старался смотреть вдаль и не обращать внимания на Анну, плывущую по водной глади на спине, но солнце сверкало на ее коже, нет-нет да и привлекая мой взгляд. На ней было бикини в красно-белую полоску. Глаза она закрыла.

Я допил пиво, бросил банку на берег, стянул футболку и скинул обувь. Анна внимательно наблюдала за тем, как я опустил в воду сперва одну ногу, а потом и вторую.

– Так себе прыжок, – крикнула она издали.

Я погрузился в холодную воду, и улыбка моя потускнела. Чтобы подавить рефлекторный крик, я нырнул с головой. Глубина оказалась небольшой, всего несколько но сквозь мутную воду и джунгли из водорослей дна было не разглядеть.

Я поплыл к Анне и вынырнул на поверхность лишь тогда, когда оказался совсем рядом. Она держалась на воде, энергично работая руками и ногами и вскинув подбородок, а на ее губах играла странная улыбка.

– А ты вообще в курсе, что случилось с церковью? Отчего она пришла в такой упадок? – спросила Анна, кивнув на фрагменты стен, возвышавшиеся вдалеке за деревьями.

Я обернулся посмотреть на руины, хотя и так превосходно знал, как они выглядят. В ту минуту больше всего на свете мне хотелось, чтобы лицо перестало гореть.

– Из-за пожара, – наконец ответил я.

Я провел рукой по лицу, стряхивая капли, а потом и по бритой голове. Анна была совсем рядом – буквально рукой подать.

– А ты неразговорчивый, – заметила она, посмотрев на меня.

Над озером пронесся истошный визг, напугавший трех гусей. Они тут же взмыли в воздух и пролетели над нашими головами, а потом исчезли за деревьями у дальнего берега. Мы проводили их взглядом.

Я поднял брови:

– К чему говорить, если не можешь изменить тишину к лучшему?

– А с чего ты взял, что мне это не нравится? – спросила она, легла на спину и поплыла.

– Ан-на! – прокричал с берега мужской голос.

Она помахала рукой.

– Ты нам тут нужна! – послышалось следом, и она показала большой палец.

– Подожди, я скоро вернусь, – пообещала она и проплыла мимо, легонько задев своей ногой мою в незримом мире под нами.

* * *

А в понедельник мы все вместе после работы отправились в местный клуб «Блокбастер». Тогда все кутили чуть ли не каждый вечер. По пятницам, субботам и понедельникам выпивка продавалась со скидкой, а воздух насквозь пропитывался звуками караоке. И сам не понимаю, как нам только хватало энергии работать весь день, а потом еще и веселиться до ночи, но в этом возрасте никто не оглядывается назад. Ведь вся жизнь еще впереди.

Мы сидели на белой банкетке, обтянутой винилом: она – откинувшись назад, я – подавшись вперед, пока все остальные танцевали. Помню, из динамиков доносился какой-то жуткий

гаражный мэшап, танцпол переливался огнями, и в темноте я взял Анну за руку. Минуты три мы смотрели друг на друга, а когда песня закончилась, мы уже брели в гору по пути в город.

Когда мы дошли до пустой парковки за зданием «Блокбастера», Анна остановилась и сказала: «Пока ты не сделаешь следующий шаг, я с места не сдвинусь». По прошествии лет мы с ней спорили, кто первым проявил инициативу. «Ты меня поцеловал, – настаивала она. – Я точно помню».

Мы запоминаем все так, как нам самим хочется.

Начало девяностых

Когда ее не стало, из дома вынесли и ее вещи. Еще накануне они все были на месте – а потом пропали. Совсем как она сама.

Мальчишками мы с Сэлом любили играть в прятки. Я вставал у подножия лестницы, закрывал лицо руками и считал до двадцати. Мы тогда жили в старом викторианском доме с высокими потолками и пыльными углами. Когда-то тут жил приходской священник, а потом домом постепенно стало овладевать запустение. Папа работал на нынешнего владельца, выполнял в поместье разные поручения, и тот взамен разрешил нам сюда вселиться, снизив арендную плату. Огромный дом казался нам настоящим дворцом.

Я считал медленно, чтобы Сэл успел спрятаться, а потом поднимался по лестнице. Он всегда выбирал одно и то же местечко, но я все равно каждый раз устраивал целый спектакль, делая вид, будто понятия не имею, где он мог спрятаться: заглядывал за тяжелые шторы, висящие на окне, проверял все отделения и ящички шкафа. Я обыскивал весь этаж, а в самом конце подкрадывался к двери родительской спальни. Распахивал ее и, выгадывая время, обходил комнату, проверяя, что изменилось со вчерашнего дня. Маленькая стопка шитья, новая раскрытая книга на прикроватной тумбочке, забытый стакан воды. Меня зачаровывала шеренга стеклянных флакончиков на туалетном столике: пробивавшиеся сквозь шторы лучи солнца подсвечивали ее, придавая ей сходство с алтарем.

Закончив осмотр, я подходил к тяжелому платяному шкафу и распахивал дверцу. Внутри, притаившись за пышными платьями и юбками, сидел Сэл, с таким усердием сжавшись в комочек, будто и вовсе хотел исчезнуть. Я забирался внутрь, устраивался рядом, закрывал за собой дверь, и мы еще некоторое время лежали вместе на дне шкафа: Сэл – скользя пальцами по ткани нарядов, а я – вдыхая их запахи.

Через несколько недель после ее исчезновения я предложил ему снова сыграть в прятки. Тогда я уже стал слишком взрослым для таких игр, но дни тянулись до того медленно, что приходилось хоть как-то убивать время.

Я досчитал до двадцати, поднялся на второй этаж, но когда открыл дверь в спальню, то увидел, что Сэл стоит у шкафа, вытянув руки по швам. Я подошел ближе и заглянул внутрь. Вместо разноцветья шелков и полиэстера в шкафу зияла черная пустота. А потом я заметил, что и все остальное исчезло. В комнате не осталось ни флаконов, ни книг, ни шитья. Ничего.

Мы забрались в шкаф и плотно закрыли за собой дверцу.

2003

В тот июль мы с Анной виделись буквально каждый день. Помню, стояла такая невыносимая жара, что мы даже не глушили двигатель у нее в машине, когда останавливались, чтобы кондиционер не отключался. Так мы сожгли не одну канистру бензина, не говоря уже о коже на губах.

– Знаешь, а ведь он через месяц вернется, – как-то сказала она. – Во всяком случае, обещал.

Я кивнул и снова ее поцеловал.

После этого все встало на свои места. Мы встречались перед работой или когда у одного смена уже заканчивалась, а другой ненадолго отпрашивался, и спешили к стене за мусорными баками. Помню ее запах – жасминовых духов (если верить надписи на флаконе) и прогорклой картошки фри. Сейчас, оглядываясь назад, я недоумеваю, отчего мы не выбрали местечко получше, но мы были страстными, голодными, юными. Идти недалеко – не приходилось тратить время на дорогу, – к тому же на помойке безлюдно. Больше всего нам тогда хотелось утолить эту жажду друг друга, а остальное не имело значения.

У нас с Лорой таких поцелуев не бывает. Точнее, может, и были поначалу, а теперь уже нет. Но мне и не нужно. В юности человек жаден до всякого опыта. Поцелуй ему в новинку и к тому же не стоят ни гроша. С ноющей спиной и хрустом в суставах с этой жаждой уже ни за что не совладаешь. Но мне и без нее хорошо.

То лето в Европе выдалось на редкость жарким. Поговаривали, что другого такого не случалось чуть ли не пятьсот лет. Уровень воды в Дунае упал настолько, что стали видны снаряды и танки времен Второй мировой, похороненные на речном дне. Они лежали там все это время, спрятавшись под водной толщей, необезвреженные, смертельно опасные, и дожидались, когда их найдут. А ближе к дому от жары начали плавиться автомагистрали.

Зной и поныне напоминает мне о том лете.

* * *

Поначалу мы искали любые предлоги, чтобы только коснуться друг друга. Анна тянулась к бардачку в машине и, опершись на мое колено, находила в нем нужный компакт-диск. Я убирал невидимую прядь с ее щеки. Мы лежали на траве в парке, и она осторожно вставляла мне в ухо наушник и нажимала кнопку «плей» на своем айпоне.

Мы провели вместе две ночи. Я знал, что у нее дома установлен строгий комендантский час, а значит, она наверняка заранее предупредила о своем отсутствии, сказав, что заночует у кого-то из друзей. Наверное, и мы с ней были только друзьями. Я уже не первый год пытаюсь в этом разобраться.

Мы лежали в моей постели. На экране черно-белого телевизора, стоявшего у дальней стенки, мелькали кадры из очередной серии «Башен Фолти»; картинка слегка расплывалась – а все из-за сломанной антенны, перемотанной изолентой. Анна подхватывала за героями их реплики – она помнила их все! – и смеялась, а я, откинувшись на подушку, наблюдал за ней.

Отчетливо помню этот момент. Видимо, она почувствовала на себе мой взгляд, потому что тут же пригладила волосы, подобралась ко мне и поцеловала.

– Чего ты хочешь от жизни? – спросила она.

Я откинул с ее лба непослушную прядку.

– Меня еще никто об этом не спрашивал.

– Шутишь?

– Разве что мама, – уточнил я и примолк ненадолго. – В детстве я писал рассказы. Маме нравилось, когда я читал их вслух, и после она всякий раз хлопала и говорила, что у меня настоящий талант. Впрочем, мамы всегда предвзяты.

Анна улыбнулась:

– Из тебя бы вышел прекрасный писатель.

Ее вера меня удивила. О том, что я пишу, я никому не говорил – а Дэзу и другим любителям позубоскалить тем более, чтобы не давать им лишнего повода для шуток.

– А ты? – спросил я. – Чего ты хочешь?

Она улеглась мне на грудь.

– Мне нравится рисовать, – призналась она. – А еще мне бы очень хотелось однажды вернуться в Нью-Йорк. В прошлом году я уезжала туда на три месяца по программе студенческого обмена. Там просто чудесно! Давай поселимся в Ист-Виллидж да заделаемся парочкой богемных бездельников! – сказала она и поцеловала меня.

Я сбежал вниз покурить перед домом.

– Ты правда оставишь меня одну в своей комнате? – спросила она и заговорщически подмигнула. Правда. Я оставил ее в своей постели, хотя знал, что от одной сигареты мое волнение не утихнет. Мне нравилось думать, что она в моей комнате, в моем личном пространстве. Выкурив сигарету наполовину, я взглянул наверх: она выглядывала в окно. По ее позе – она облокотилась на подоконник, подперев рукой подбородок и широко расставив локти, – я понял, что она стоит голыми коленками на моей подушке, и почувствовал странное волнение. Улыбнулся, а она помахала и исчезла из виду. Я же стоял, докуривал и представлял, как она разглядывает мои вещи и гадает, какой я. Я поднялся и открыл дверь; она лежала на том же месте, где я ее оставил.

Тогда, в ту первую ночь у меня в комнате, в моей постели ничего не было. Мы просто целовались, разговаривали, спали. С наступлением темноты мы переплелись на моей узкой кровати; Анна надела мою любимую футболку.

– И сколько девчонок побывало в этой постели? – спросила она, когда в небе забрезжил рассвет.

Я пожал плечами:

– А это важно?

И я рассказал ей о том, как прошлым летом в дверь моей комнаты в общежитии постучалась девушка. Она искала моего соседа, но его на месте не оказалось. Он обещал подойти с минуты на минуту, и потому я пригласил ее подождать внутри. А через десять минут она уже была у меня в постели. Когда я пересказывал эту историю приятелям в пабе, они хохотали от души и одобрительно хлопали меня по спине, а потом даже купили мне еще выпить.

Когда я закончил, Анна тряхнула головой и отвернулась к стенке.

Зря я ей это все рассказал.

* * *

А вот вторую ночь ничто не омрачило. Я часто ее вспоминаю.

– А папа твой где? – спросила Анна, когда мы поднимались по лестнице. – Почему я еще ни разу его не видела?

– Его нет дома, – ответил я. – Вечно где-то пропадает.

Мы лежали на моей кровати, откинув одеяло. Окно было распахнуто настежь, но знойный июльский воздух оставался тягучим и неподвижным.

– Я вот подумываю волосы отрезать, – сказала она.

– Зачем?

– И перекраситься в блондинку. Как хичкоковская героиня.

– Совсем с ума сошла, – сказал я, лаская ее бедро.

– А что, я тебе тогда разонравлюсь?

– У тебя очень красивые волосы. Зачем портить такую красоту?

Она накрыла мою ладонь своей.

– Они ведь снова отрастут. Да и потом, они все равно мертвые.

Не помню, как стягивал с нее одежду, но прекрасно помню, как она выглядела, а еще: что в ней не чувствовалось ни капли стеснения. Ее нагота была совершенно особенной, до того не похожей на наготу других девушек, что я смотрел на нее как зачарованный. Даже теперь, стоит только зажмуриться, и она встает перед глазами. Память – опасная игра.

Временами мне казалось, что в мире есть только она и я, и ничего кроме.

Почувствовав приближение кульминации, я посмотрел на Анну и спросил:

– Ты уверена?

Она закрыла глаза и кивнула, но я все понял и тут же остановился.

* * *

– Кстати, про волосы. Ты заметил, что они вовсе не черные? – спросила она после, улегшись у меня на животе.

Было уже часа два, не меньше. Казалось, мы нежились в постели, лаская друг друга, от силы полчаса, но на деле прошло целых три. Но мы все никак не могли насытиться друг другом. Я гладил Анну по спине кончиками пальцев, вырисовывая на коже круги.

– А кажутся черными, – заметил я. Во мраке, царящем в комнате, я попросту не мог различить ее волос – до того они были темные.

– Если присмотреться, то на ярком солнце видно, что они темно-коричневые.

Я притянул ее к себе, повыше, и обнял.

– Мне они нравятся, а уж как назвать этот цвет – не столь важно.

– А ты давно бреешься? – спросила она, устроившись у меня на груди. Мне представилось, как гулко, должно быть, отдается у нее в ушах бешеный стук моего сердца.

Я провел рукой по коротко остриженным волосам.

– Брею голову всякий раз, когда нервничаю. Почему-то стоит только постричься – и становится легче.

Я почувствовал, как ее руки опустились мне на плечи, а пальцы цепко впились в кожу.

И поцеловал ее влажные горячие губы.

Еще не один месяц потом я находил у себя в постели длинные черные нити ее волос.

* * *

Городки наподобие Эшфорда наверняка есть в каждом графстве. Нескончаемая цепь круговых развязок. Цементные джунгли, раскинувшиеся в центре города, главная улица, которая змейкой бежит под гору, чтобы потом слиться с оживленным шоссе, универмаг с вывеской «все за фунт», будто реинкарнация бывшего «Вулвортса», пестрая вереница магазинчиков под стеклянной крышей, которую в конце восьмидесятых, торжественно перерезая ленточку на входе, наверняка величали по меньшей мере оплотом будущего.

Теоретически местечко вполне себе райское. Здесь есть и средние школы, и сетевой универмаг «Джон Льюис», и два кинотеатра, и пивоварня, и дизайнерский аутлет, и пригородные деревеньки – как, к примеру, Уай, – где цены на недвижимость взвинчены за счет легионов внедорожников, выстроившихся вдоль улиц, и групповых занятий йогой на открытом воздухе. Есть тут даже вокзал, с которого можно уехать на континент. Сел в поезд, а вышел уже в Париже.

Но, думаю, в реальности люди, переехав сюда, недоуменно чешут затылок. Пускай тут построили целых три «Макдоналдса» и «Чэмпниз-спа», городок кажется незавершенным, словно бы он еще не нашел себя. Новые районы процветают, а блочные многоэтажки шестидесятых ветшают, пытаясь привлечь к себе хоть чей-то интерес, но тщетно: даже градостроители и те не спешат отправить сюда свои бульдозеры. Дизайнерский аутлет собирает толпу, но расплачиваться за это приходится главной улице, протянувшейся в полумиле отсюда и задушенной кольцевой магистралью на четыре полосы.

По соседству с магистралью, на клочке земли, втиснувшись между островком травы и парковкой, разбито крошечное кладбище. Точнее, на самом деле это вовсе и не кладбище. Несколько лет назад я прочел о том, что надгробия, которых тут просто пруд пруди, привезли с расположенного неподалеку центрального городского кладбища, когда его решили переделать в зону отдыха. Городской совет распорядился поставить там несколько лавочек, разбить клумбы и переместить могильные плиты на несколько футов, запрятав их в угол. С тех пор они и громоздились в стороне, глядя на здание боулинг-клуба девяностых годов постройки, возвышавшееся по ту сторону оживленного шоссе, в то время как пустые лавочки венчали безымянные могилы. Как-то раз я даже присел на одну из этих лавочек и закурил, слушая шум машин и глядя на завесу смога, сотканную из выхлопных газов. Все здесь казалось мне до безобразия несвязным.

Кстати сказать, о могилах: как-то раз Анна потащила меня на кладбище Байбрук искать надгробие философа Симоны Вейль. Под самый конец обеденного перерыва мы наконец отыскали неподалеку от забора, за которым возвышалось здание мультиплекса, где мы работали, невзрачную квадратную плиту из гранита с выбитыми на нем именем и датами жизни. Мы молча застыли у могилы.

– Она не знала, стоит ли верить в Бога, – проговорила Анна, не сводя глаз с плиты. – Потому что его существование нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Я молча кивнул, решив не упоминать о том, что узнал ее имя лишь потому, что точно так же называлось четырехполосное шоссе, ведущее к супермаркету «Сейнсберис».

Детство наше прошло в деревеньке у самой окраины города. Местечко это было тихое, сельское; с деревьями вдоль дорог и большой лужайкой, на которой местные жители играли в крикет по выходным. Вот только его название знали лишь местные жители – и потому всякий раз, когда меня спрашивали, откуда я, я говорил: «Из Эшфорда».

Поступив в университет, я переехал на север, где тут же обзавелся репутацией «южного неженки», а заодно и человека, который неправильно заваривает чай. «И нечего так гласные растягивать, в слове “бар” всего одна “а”, а не пять». Пожалуй, они были правы. Чай я и впрямь готовлю паршиво.

Я подумывал о том, чтобы остаться тут навсегда. Жизнь в Манчестере обходилась куда дешевле, каждый здесь мог сам решать, как ему жить, и я уже начал было представлять, как устроюсь хоть кем-нибудь в газету и начну строить карьеру. Но в Эшфорде остался Сэл, а я, даже после трех лет в университете, так и не нашел себе места. Да и дожди мне порядком надоели.

В том-то и волшебство Эшфорда. Люди без конца на него жалуются, а некоторые даже уезжают, чтобы начать жизнь с чистого листа, но те, кто остается, находят успокоение в том, что знают здесь все названия улиц, все потайные тропы, все лица в пабе.

Некоторые из нас не созданы для того, чтобы начинать с чистого листа.

* * *

А началось это все довольно непримечательно.

«Это». Ну и словечко. Будто наша семья была предметом. Вещью, изготовленной по заказу. Хрупкой и требующей к себе самого бережного отношения. Но семьи появляются совершенно иначе, ведь так? Они растут и ширятся одна за другой, не всегда преднамеренно. Чье-то тело извергает семя, презерватив рвется, и вот уже вся жизнь устремляется по совершенно новой, доселе неизведанной дороге. А порой и обвивается вокруг тебя бечевкой и тащит за собой, а ты силишься высвободиться и отбрыкаться, но мало кому хватает сил изменить предначертанное.

И все же с семьями и впрямь стоит обращаться как можно бережнее. Ведь они, как мне прекрасно известно, имеют свойство распадаться. Как знать, может, если бы мы мумифицировали себя, плотно обмотавшись почтовой полупрозрачной лентой с крупной красной надписью «ХРУПКИЙ ГРУЗ», какой проклеивают картонные коробки, ни у кого уже не нашлось бы оправданий за слова вроде «Ты все принимаешь слишком близко к сердцу» или «Да как я мог знать, что ты чувствуешь?». Потому что все в самом что ни на есть буквальном смысле читалось бы у нас на лице.

«Хватит уже сыпать загадками, – с укором говорит отцовский голос у меня в голове. – Давай ближе к сути».

Конец восьмидесятых

Раз в две недели, в дни домашних матчей «Арсенала», папа вез нас в Лондон на очередной своей насквозь проржавевшей развалюхе, одной из тех, которые ему всегда доставались. Мы с Сэлом, ни на миг не снимая наушников, сидели сзади и то и дело прибавляли звук в плеере, лишь бы не слышать спортивных новостей, которые передавали по радио. Пока папа еще не успел сесть в машину, мама каждый раз неизменно предупреждала нас о том, что от громких басов у него начинает болеть голова, и просила слушать музыку потише, чтобы никому не портить поездку. Басы всегда выводили его из себя («Ох уж эти вибрации, аж все ходуном ходит!»), как и открытые окна в машине.

Бабушка с дедушкой жили в муниципальном доме в Сток-Ньюингтоне, в приземистой постройке шестидесятых годов с залитым бетоном двориком и решетками на окнах приткнувшейся в ряду себе подобных. Дедушку бесчисленное множество раз грабили по пути из казино, но он ни разу не сопротивлялся, напротив, даже пытался завязать с грабителями беседу. Почему-то он так и не научился носить часы подешевле и не щеголять лишний раз ювелирными изделиями. «Они ведь приносят радость, – хрипло посмеиваясь, любил повторять он. – Так пусть и ребятки немного порадуются».

Эти субботние дни всегда проходили по одному и тому же сценарию. Мы приезжали поздним утром, когда дом уже вовсю пропитывался ароматами жаркого, которое готовила на кухне бабушка. Мама тут же надевала фартук и спешила к плите, чтобы ей помочь, а папа целовал бабушку и устраивался на диване с газетой. Мы с Сэлом садились за кухонный стол и принимались листать каталог магазина «Аргос», мысленно составляя список подарков, которые нам бы хотелось получить на следующие пять дней рождения. Больше всего Сэл мечтал об игрушечном автотреке и как замороженный смотрел на фотографию, на которой какой-то мальчишка играл с роскошной трассой, извивавшейся восьмерками по всему полу. Порой я гадал, что же приковывает к себе его взгляд: сам трек и машинки на нем или лицо мальчишки? Может, он думает, каково это – захотеть что-нибудь и тут же получить.

А иногда мы тайком открывали раздел с лифчиками, чтобы посмотреть на них хоть одним глазком.

Около полудня после карточной партии в клубе возвращался дедушка, окутанный облачком табачного дыма. Не успев снять дубленку и фетровую шляпу, он присаживался на корточки и заключал нас с Сэлом в крепкие объятия, осыпая наши худые щеки влажными поцелуями. Его колючие седые усы вечно оставляли на коже красные следы, которые потом зудели, но когда все проходило, я даже немного скучал по ним.

«Маккоевское племя!» – торжественно восклицал он всякий раз. Я решил, что это, видимо, означает, что он страшно гордится своими внуками.

Часто в эти дни в гости навевались и Стелла с Биллом. Наш дядя был тихоней в маленьких очках-половинках, неизменно сдвинутых на самый кончик носа. Говорил он мало, а еще имел странную привычку пятиться на выходе из комнаты, слегка пригибая голову, точно дворецкий. На фоне нашей эффектной тетушки Стел с этими ее крашенными в огненно-рыжий волосами, пальто леопардовой расцветки и энергичными движениями дядя Билл выглядел по меньшей мере странно. Прозвучит жутко, но когда спустя несколько лет он умер от рака, этого почти никто и не заметил.

После обеда папа, дедушка и дядя Билл уезжали на стадион Хайбери. Перед выходом они задерживались на кухне, натягивая верхнюю одежду. Причем почти все свободное пространство занимал дедушка в своей огромной дубленке, теплой шляпе с перьями и с неизменной сигарой в зубах. На папе обычно была кепка и кожаная куртка, а единственным намеком на любовь к «Арсеналу» служил его полосатый красно-белый шарф. Зато дядя Билл не упускал

возможности принарядиться. Он облачался в форменную футболку с длинными рукавами – из комплекта, идентичного тому, в котором игроки «Арсенала» в 1971 году выиграли чемпионат и Кубок Англии, – а в придачу к ней в красную вязаную шапку, полосатый красно-белый шарф и красное стеганое пальто с эмблемой клуба, гордо вышитой на кармане. У него даже имелась поясная сумка. Изредка папа брал на матч и меня, и всякий раз, когда соперникам удавалось обвести «Арсенал» вокруг пальца, я застывал как замороженный, а мой застенчивый дядюшка превращался в истинного безумца, который кричал на судью и все девяносто минут сидел крепко сжав кулаки.

Пока мужчины были на стадионе, мама, бабушка и Стелла сидели за кухонным столом и готовили угощение к вечернему чаепитию. Они попивали колу из золотистых баночек, а мама со Стеллой по очереди садились на стойку у окна и курили. Всякий раз, когда я вспоминаю их встречи, мне неизбежно вспоминается и эта самая кухня. И по прошествии лет стоит мне только закрыть глаза, и я вижу маму с тетей, которые хохочут над какой-нибудь сальной шуткой и чистят картошку.

– Ну что, Сэл, как жизнь молодая? – как-то раз поинтересовалась Стелла с кухни.

– Хорошо, тетя Стел, спасибо! – ответил брат, который в это время смотрел «Индиану Джонса», развалившись на диване. Одним из главных преимуществ дедушки с бабушкой мы считали их спутниковую тарелку.

– Я тебя просила не называть меня тетей! Я для этого еще молода! Мое имя Стелла, и почему бы вам, мальчикам, не звать меня именно так?

– Пол будет против, Стел, – заметила мама.

– Тогда передай моему братцу, что мне его запреты до...

– Стелла, – строго осадил ее бабушка.

Я лениво сполз с дивана и пошел на кухню – взять себе чего-нибудь попить.

– Ладно-ладно, – сказала Стелла, сидевшая на краю стойки. Она почесала ногу, и я заметил у нее на колготках стрелку, протянувшуюся от лодыжки до колена. – Как всегда, уступлю старшему братцу. Но если честно, мам, по-моему, я вправе решать, как ко мне обращаться окружающим, черт возьми! – Она затушила бычок о дно пепельницы и соскочила на пол. – Ну а у тебя, Нико, как делишки? Никого еще не обрюхатил, а?

– Стелла! – на этот раз не выдержала уже мама.

Я улыбнулся, а щеки тотчас залила краска.

– Нет, – робким шепотом ответил я.

Она рассмеялась.

– А взгляд-то какой виноватый! Меня не обманешь! Помяни мое слово, Лу, у этого парня будет немало секретов. И девчонки за ним будут стадами бегать.

– А может, от него! – крикнул Сэл с дивана.

– Ну все, все, – сказала мама. – Давайте закроем эту тему, пока все не зашло слишком далеко.

– Мне еще и десяти не исполнилось, тетя Стел, – пояснил я. – Девчонки и не знают о моем существовании.

– Погоди немного, – сказала она, многозначительно подмигнув. – Пройдет несколько лет, ты влюбишься, и твоя жизнь превратится в сущий ад. С самыми лучшими оно так всегда и бывает.

– А разве любовь – это не прекрасное чувство? – спросил я.

– Иногда да. Но порой от нее становится невыносимо. Тогда-то и понимаешь, что все внаправду. Когда от любви голова идет кругом, когда тебя мучает голод, но при этом кусок в горло не лезет...

Мама фыркнула:

– Что-то незаметно, чтобы Билл так на тебя действовал.

– А кто сказал, что я о Билле? – парировала тетя, и они с мамой звонко расхохотались. А потом Стелла продолжила: – Взять хотя бы твоих родителей. Ты в курсе, что я их и познакомила? Мы с твоей мамой как-то пошли на районную дискотеку. Но сперва долго прихорашивались у нее дома – помнишь, Лу? А то серебристое платье фламенко, на которое ты целый месяц копила?

Мама просияла:

– Мое любимое! А еще я тогда сделала прическу как у Фэрры Фосетт.

На пороге появился Сэл, и мама обхватила его за плечи и крепко прижала к себе.

– Так вот, на дискотеке парней совсем не было. Точнее сказать, достойных парней. Разве что пара-тройка голубых, но едва ли мы могли их заинтересовать.

– Голубых? – переспросил я.

– Не слушай ты ее, – вклинилась бабушка.

– Иными словами, геев, – пояснила Стелла.

Мама закрыла лицо руками.

– Стелла, не отклоняйся от темы.

– Я предвидела, что твой папа будет от нее без ума, поэтому мы с твоей мамой пораньше ушли с дискотеки, а по пути домой заглянули в «Красного льва». Я подозвала брата, твоя мама пару раз состроила ему глазки, покрашенные голубыми тенями, и мне сразу стало понятно, что они созданы друг для друга. Его нисколько не смутило, что она попросила у него «Чинзано» и лимонад. Его было уже не спасти – пропал человек, поминай как звали. Бармен наверняка решил, что перед ним слабоумный.

Мне нравилось слушать тетю Стеллу. Она умела пересказывать одну и ту же историю так, что каждый раз неизменно казалось, будто ты ее еще не знаешь; и хотя мы с Сэлом уже слышали о знакомстве наших родителей, все равно жадно ловили каждое ее слово в надежде разузнать новые подробности. Что-нибудь такое, о чем можно будет думать всю долгую дорогу домой.

– А расскажи ту историю про Пола и музыкальный автомат, – попросила мама, подперев рукой подбородок. Видно было, что эти рассказы по душе и ей.

Мы с Сэлом направили уши.

– Про Новый год, что ли? – уточнила Стелла, закурив новую сигарету. – Господи ты боже... Помнишь...

Но тут в замке щелкнул ключ. Мужчины вошли в дом, женщины встали со своих мест, и беседе пришел конец.

* * *

Недавно я был в Сток-Ньюингтоне и прогулялся по Арундел-Гроув. Там по-прежнему теснятся невысокие дома с антеннами на плоских крышах, с кружевными занавесками, раздувающимися от ветра, и с мусорными баками во дворе. Но решеток на окнах уже нет, а по пути к автобусной остановке мне повстречалась целая вереница кафе с нарядными уличными столиками. За одним из них сидел парень с крохотным стаканчиком кофе и ноутбуком и энергично стучал по клавишам, ничуть не опасаясь грабителей.

Уже давно нет ни дедушки с бабушкой, ни прежней жизни. Но воспоминания шагают за мной неотступно.

Июль 2003

– Боже мой, ты только глянь!

Я был уже на середине дорожки, ведущей к дому, сжимая в руке ключ и надеясь, что папа еще на работе или забежал в паб. Когда Анна спросила, почему бы нам сегодня не посидеть у меня, я решил, что она шутит, но мой нервный смешок привел ее в замешательство. А теперь она замешкалась у калитки – по всей видимости, осознав, что напрасно это все предложила.

– Можешь идти, если хочешь, – сказал я, уставившись на ключи.

– Что-что?

– Тебе наверняка есть куда пойти? Если так, я не обижусь.

Она нахмурилась и посмотрела на меня, и я сразу почувствовал нетерпение, которое моментально вспыхивало в ней каждый раз, когда она не понимала, к чему я клоню.

– О чем ты? С какой стати мне уходить?

– Мне показалось, что...

– Я вот что тебе показать хотела, – она кивнула на три высоких, футов в пять, подсолнуха у подъездной дороги. Они легонько покачивались на ветру, красуясь перед нами, будто чувствовали, что ими восхищаются.

Я кивнул, сделав вид, будто с самого начала правильно ее понял.

– Ах да, я уже так к ним привык, что и не замечаю.

Анна молча ждала продолжения.

– Стелла, моя тетя, посадила их в первое лето после маминого ухода, – на последнем слове мой голос предательски дрогнул. Но я торопливо продолжил: – Сказала, что после школы нас должно встречать что-то яркое и нарядное, чтобы радостнее было возвращаться. Предложила либо цветы посадить, либо выкрасить входную дверь в ярко-желтый, но на это наш папа ни за что бы не согласился.

– Красота какая, – сказала Анна, переведя взгляд с цветов на меня. – И как они, делают свое дело?

– В смысле?

– Ты улыбаешься, когда их видишь?

Я уставился на цветочные спинки. В этом году подсолнухи набрались силы и роста. Они уже расцвели в полную мощь, гордо выпрямили крепкие стебли, расправили листья так широко, что почти касались друг друга. А я ведь за все лето впервые обратил на них внимание.

– Ну да, пожалуй. Стелла каждый год их пересаживает. Это уже традиция, которую она свято чтит. – Я подошел поближе к Анне и коснулся темной середины одного из подсолнухов. – Видишь сердцевину? Под конец сезона, когда цветок умирает, она засыхает и превращается в семена. Часть из них Стелла хранит до весны, а потом снова сажает в землю.

– Получается, нынешние подсолнухи – это потомки тех, которые она посадила в самом начале?

Я задумался над ее словами:

– Видимо, местечко тут хорошее, солнечное.

– Подсолнухи мне никогда особо не нравились, – призналась Анна и, вытянув руку, погладила лепестки. – Но я видела их только в вазах да в супермаркетах, в пластиковой обертке. И всегда в них было что-то такое отталкивающее. Но эти – совсем другое дело. Они тут удивительно к месту.

– И представь себе, выживает всегда только три цветка.

– Только три?

– Тетя обычно сажает четыре, но один каждый раз погибает. Мы раньше даже ставки делали, какой из них не вытянет.

Я почувствовал на себе взгляд Анны.

– Нравится мне эта твоя тетя Стелла, – сказала она и нежно толкнула меня в сторону дома.

* * *

– Ну а в твоей постели сколько парней побывало? – спросил я.

Дело было после нашей первой ночи. Я проснулся утром, в то время, когда народ за окном вовсю спешил на работу, осторожно перебрался через спящую Анну, спустился на первый этаж и приготовил сэндвичи с беконом. Когда я вернулся с тарелкой и чашкой чая и открыл дверь, она лежала посреди кровати, закинув на одеяло обнаженную ногу. Она уже не спала, ее черные волосы разметались по моей подушке, а взгляд скользил по комнате. Даже спустя столько лет я до мелочей помню атмосферу, которая тогда царил в моей спальне, а все потому, что Анна в моей постели и по сей день стоит у меня перед глазами.

Ответила она не сразу; сперва вернула мне пустую тарелку и отпила мутноватого чая. Я опустил на край кровати и посмотрел на нее. Она по-прежнему лежала, укутавшись в мое одеяло и приподнявшись на локте.

– Ты и сам знаешь, что ни одного, – заметила она, слизнув пятнышко кетчупа с запястья. – Ты же в курсе моей ситуации.

Я кивнул. Сделал вид, что и впрямь обо всем знаю.

– А о разбитых сердцах говорить совсем не хочется, – добавила Анна, теребя край моей футболки с Тупаком, которую она беззастенчиво надела перед тем, как мы наконец улеглись спать, пока я разглядывал ее тень на стене своей спальни. – Может, лучше будем жить настоящим?

– А можно задать тебе один вопрос?

Она вскинула бровь.

– А что, если бы тебя застали в моей постели?

Она опустила взгляд на свои руки.

– Ничего хорошего.

– Но ведь ничего такого не было.

Анна села.

– Для тебя – да. А в моем мире вот этого всего, – она обвела выразительным взглядом смятую постель, – достаточно, чтобы устроить скандал.

Как жаль, что тогда я своим двадцатидвухлетним умом так и не понял истинного смысла этих слов. Не понял, что тот риск, на который она ради меня идет, – не что иное, как признание в чувствах. Если б я мог вернуться в тот день и убедить себя быть к ее словам внимательнее, может, мы бы и не истратили попусту столько лет. Говорят, что человек славен не словами, а делами, но еще говорят – «если бы молодость знала, если бы старость могла». А ведь начало всем этим дурацким поговоркам дали чьи-то сожаления.

Начало девяностых

Те три раза, когда мне посчастливилось мальчишкой побывать на матчах «Арсенала», глубоко врезались мне в память. И пускай брали меня лишь потому, что в последний момент выяснялось, что кто-то из взрослых не может пойти, а продавать билет уже слишком поздно, да и соперники у «Арсенала» не бог весть какие мощные – скажем, «Норвич» или «Шеффилд Уэнсдей», но всякий раз на подходе к стадиону, когда толпа начинала сгущаться, папа брал меня за руку и протаскивал вперед.

Папа всегда покупал у парнишки, стоящего на углу, номер «Гунера»², и потом, когда на середине игры он вместе с другими взрослыми исчезал за пивом, оставив меня в одиночестве, я успевал прочитать журнал от корки до корки. И когда мы шли домой и лакомились картошкой фри, я сыпал цитатами вроде «Неудачи преследуют Райта по пятам» или «Кэмпбелл ни на что не годится, очередной любимчик Грэма, только и всего». Ну и так далее. Уж не знаю, справедливы ли были эти слова, но порой папа в ответ пожимал плечами или даже одаривал меня едва заметной улыбкой.

Завернув за угол, на Арундел-Гроув, мы сразу замечали в окне, за белыми занавесками, лицо Сэла, прикинувшего к стеклу. Но пока мы шли к дому, пока я со своими взрослыми спутниками с хохотом заходил в прихожую, он успевал отскочить. Я ерошил ему волосы, он недовольно бурчал: «Отвали!» – а потом я во всех подробностях описывал ему события последних трех часов. И переживал их заново.

* * *

Сэл никогда не говорил вслух о том, как ему хочется тоже побывать на матче. А папа ни разу не предложил ему билета.

² «Гунер» – фанатский журнал, посвященный футбольному клубу «Арсенал». Упомянутые ниже Райт, Кэмпбелл и Грэм – игроки и тренер этой команды.

Лето 2003

Мы были совсем разными. И сам не знаю, почему нас влекло друг к другу. Она терпеть не могла музыку, которая нравилась мне, а я не питал особой слабости к андеграундным гитаристам, которых она просто обожала, – ко всем этим сальным волосатикам в потрепанных конверсах и со шнурками на запястьях. Кино нам тоже нравилось разное, а учитывая, что работали мы в кинотеатре, это несовпадение во вкусах часто давало о себе знать.

В то лето я подрабатывал в аппаратной – управлял пленку, включал проектор в начале каждого сеанса. Охотников до этой работы было немного: в комнатке чересчур шумно и темно, к тому же у нас в штате хватало подростков, которые воспринимали работу как одну из возможностей потусоваться. А в аппаратной не подурочишься, как, скажем, за стойкой кинобара или за чистой экраном в кинозале. Работа киномеханика не терпит небрежности, требует умения и внимательности к мелочам.

– Я там работала одно время, – рассказала Анна, когда я поделился с ней своими планами. – Тогда еще показывали «Как важно быть серьезным». Я неправильно склеила пленку, и сцены шли не в том порядке, в каком нужно, но заметили это только через неделю! Помню, мне тогда кто-то сказал: «Все должно быть совсем не так! Либо режиссер перевернул Уайльда с ног на голову, либо вы что-то напутали!» – Она расхохоталась. – После этого меня оттуда выгнали. Но я ни капельки не расстроилась. Шутка ли – по восемь часов сидеть в крошечной тьме! Я себя настоящим вампиром чувствовала, честное слово!

Я во тьме чувствовал себя уютно. Слабые лучики света пробивались в аппаратную из окошек, выходящих в кинозалы, и я видел затылки зрителей – кто-то из них ел попкорн, а кто-то и вовсе задремывал. Им не было никакого дела до моего существования, но их удовольствие во многом зависело именно от меня. Порой невидимость – это сила.

Прежде чем показывать фильм широкой публике, его полагалось отсмотреть целиком и ставить на бумаге галочку каждый раз, когда на экране появится черная, как след от сигареты, метка – сигнал, что пора зарядить следующий фрагмент пленки. Такие вот предварительные просмотры устраивались поздним вечером, после последнего сеанса, а поскольку подростки предпочитают ночной образ жизни, смотреть кино приходили и те, у кого был выходной.

Анна нередко оставалась на такие показы. Если фильма ждали и он обещал стать кассовым, в зале яблоку было негде упасть, а вот артхаусные картины мало кого интересовали. Чаще всего мы смотрели их вдвоем.

В их числе была и картина «Вдали от рая», действие которой разворачивалось в американском захолустье 1950-х годов, – история о домохозяйке и ее супруге, тайном гее. Подавленные чувства, запретная любовь. На мой вкус фильм оказался чересчур мелодраматичным, и, когда в зале зажегся свет, я презрительно фыркнул и сказал:

– Ну вот, целых два часа жизни коту под хвост!

Анна посмотрела на меня с неподдельной обидой.

– Что ты такое говоришь? – воскликнула она. – Фильм просто чудесный!

Как я уже сказал, мы с ней были очень разные. И постоянно спорили, точно пожилая супружеская пара. Она отличалась задиристым нравом, и мы частенько спорили с ней до хрипоты, снова и снова, пока пальцы не льнули к коже, а губы не встречались в поцелуе. Мне даже нравилось, что у нас было мало общих интересов. Получалось, что нас тянет друг к другу скорее инстинктивно, и это притяжение нельзя расписать на бумаге или соотнести с каким-нибудь алгоритмом. Лишь интуитивное ощущение, чувство, знание. То, что случается раз в жизни.

Однажды в кинотеатре устроили вечер классического кино, на котором обещали показать «Новый кинотеатр “Парадизо”». Вечер назначили на среду, а накануне, во вторник, Анна

поменялась сменами с кем-то из коллег, чтобы посмотреть со мной эту картину. Как мы и предвидели, больше никто на предпоказ не пришел.

В фильме речь идет о пожилом киномеханике, который работает в кинотеатре на Сицилии, а ему помогает деревенский мальчик. Священник требует перед показом вырезать все сцены с обнаженной и даже поцелуями. Из-за этого фильмы зачастую превращаются в полную нелепицу. А когда киномеханик умирает, мальчик, успевший уже превратиться в мужчину, возвращается в деревню и получает киноленту, оставленную ему старшим товарищем. Он смотрит ее и плачет. Она вся состоит из вырезанных любовных сцен. Эдакий сувенир из другой жизни.

Когда на экране показывали эту сцену, Анна потянулась ко мне и взяла меня за руку. Я посмотрел на нее и в неверном свете увидел слезы у нее на щеках.

Фильм был красивый. Мальчика звали Сальваторе. Мне это особенно понравилось.

После того как «Кинотеатр “Парадизо”» показали широкой публике, я разобрал киноленту и рассовал части фильма по кофрам. Но перед этим я разложил любовную сцену на склеечном прессе и отрезал пару кадров. Мне хотелось украсть по кусочку каждого поцелуя, но я понимал, что получится заметно, и ограничился только двумя. Отрезал я осторожно, потом снова склеил ленту, а похищенные поцелуи спрятал в карман.

После окончания моей смены Анна отвезла меня домой, и мы еще немного поласкали друг друга на заднем сиденье. Прежде чем выйти из машины, я сунул руку в карман и достал отрезанные кадры. В ответ на мою просьбу Анна послушно протянула руку, и я, вкладывая в ее ладонь кусочки пленки, внимательно следил за выражением ее лица, чтобы навсегда оставить его в памяти, а потом поспешил мимо подсолнухов к входной двери.

* * *

Спустя пару недель я повел ее знакомиться с друзьями. Дело происходило в обычный воскресный день в самом обычном пабе; погода выдалась знойная, и потому завсегдатаи высыпали на улицу, в пивной сад.

В глубине души я очень боялся этого дня. Я много раз представлял, как пройдет разговор, какими взглядами обменяются присутствующие, как парни воспримут Анну, как воспримет их – и меня! – она, когда все случится. А может, этого дня и вовсе не будет, твердил я себе. Может, я ухитрюсь прожить всю свою жизнь без этой встречи.

Но однажды вечером, когда мы, отработав общую смену, доехали до моего дома и я после двадцати минут ласк и поцелуев вышел из машины, она посмотрела на меня с водительского кресла и сказала: «Хочу познакомиться с твоими друзьями. Устрой нам встречу». А потом ударила по газам и уехала.

Два дня спустя я выполнил ее просьбу.

В паб мы вошли с привычной очередностью. Сперва она, а потом, десять секунд спустя, я. А вдруг внутри сидит кто-то из знакомых, сказала она. Давай я сперва загляну и проверю – на всякий случай. Потом она кивнула мне в окно в знак того, что можно смело заходить внутрь и не бояться стоять рядом с ней.

Мы взяли себе выпить, и Анна вышла следом за мной в пивной сад, куда вели двойные двери. Все уже сидели там – смеялись, курили, неприглядно покрасневшись от полуденной жары. Когда мы появились в поле их зрения, несколько парней приветственно подняли стаканы с пивом.

– Всем привет! Это Анна! – объявил я, присаживаясь за самый дальний из длинной вереницы столиков. – Анна, а это все.

Она робко улыбнулась и села рядом со мной, подобрал ноги так, что они оказались аккурат вровень с моими.

– Так вот она какая, эта знаменитая Анна! – слышалось сзади, а потом между нами уверенно вклинилась рука. – Очень рад знакомству. Дэз.

Анна пожала руку, вскинув брови.

– О, я тоже о тебе слышана! Приятно познакомиться. – Она скользнула взглядом по слову «Ибица», вытатуированному у него на кисти – по букве на каждой костяшке. – Незабываемое было путешествие, должно быть.

– Будет, – поправил ее Дэз. – Я только в ноябре поеду.

Анна удивленно округлила глаза:

– Ты не бывал на Ибице, но набил тату заранее? А вдруг там окажется паршиво?

Он пожал плечами.

– Ну уж этого мы никак не допустим, скажите, парни? – Он поднял стакан с пивом, и ребята одобрительно зашумели.

Я решил коротко ввести Анну в курс дела.

– В канун Нового года Дэз напился до чертиков и в приступе хмельной рефлексии решил, что набить тату в честь грядущей поездки – отличный способ задать себе правильный настрой на предстоящее тысячелетие. Недаром говорят – «живи моментом».

– Классика! – воскликнула Анна и чокнулась с Дэзом.

– Вот только за неделю до поездки Дэз сломал ногу, и все уехали без него, – добавил я и подмигнул ему. – В этом году вот опять собираются, чтобы татуировка даром не пропадала.

Анна рассмеялась было, но осеклась, смущенно взглянув на Дэза:

– Извини. Смех тут, наверное, не уместен.

– Еще как уместен, – сказал я, закурив сигарету. – Мы все вдоволь об этом нашутились. Но вообще, Дэз, я верю, что в этот раз у тебя все пройдет замечательно. Не переживай.

– А сам ты не поедешь? – спросила у меня Анна.

Дэз поставил свой стакан на стол и схватил меня за плечи – да с такой силой, будто специально хотел оставить синяки.

– Бедняжка Ник боится летать, правда ведь, сыночек? Да он скорее обоссется, чем сядет в самолет!

И тут Анна сделала то, чего я никогда не забуду. Не пряча руки под стол, она потянулась ко мне и сжала мою ладонь. Мы уже не раз целовались в укромном полумраке машины, на темных парковках и по неприметным углам. Но сейчас она впервые коснулась меня у всех на виду, и точно так же я себя и ощущал в тот момент. У всех на виду. Совершенно уязвимо.

– Осторожнее, Николас, – заметил Дэз, указав в нашу сторону рукой с зажатой между пальцев сигаретой. – Ты ступил на скользкую дорожку.

– Я так понимаю, у тебя девушки нет? – спросила Анна.

В интонации, с какой она произнесла слово «девушка», было что-то такое, отчего я крепче сжал ее ладонь.

– У меня-то? – переспросил Дэз и хохотнул. – Мужчины – они как пчелы. Зачем привязываться к одному цветку, когда есть целый сад? Главное ведь – получить мед. А если будешь вечно над одним и тем же цветком кружить, меда тебе не видать.

– Как по мне, параллель с комарами тут больше подойдет, – заметила Анна.

– Что? – удивленно переспросил он.

Анна хлопнула руками в воздухе и смела мертвое насекомое с края стола.

– Прошу прощения, – сказала она. – Продолжай.

Комочек пепла сорвался с кончика сигареты Дэза и упал прямо ему в стакан с пивом, но он этого даже не заметил, потому что не сводил изумленного взгляда с Анны. Челюсть у него отвисла, как у глупой собаки, а Анна с улыбкой подняла на него глаза.

– Да уж, дружище, не завидую я тебе, – сказал Дэз, похлопав меня по спине, и поспешил обратно в паб, к игровым автоматам.

Я видел, что парни ее не понимают. Материться она умела не хуже их всех, но в некоторых компаниях на нее нападала робость, которую со стороны легко было принять за снобизм. Иногда она брала на себя инициативу, направляла разговор, высказывалась с легкостью истинного эксперта в вопросах общения. А порой сидела молча и слушала, не принимая в разговоре участия и только изредка улыбаясь. Не уверен, что она замечала за собой эту противоречивость натуры, которую она сама и являла миру, а может, замечала, но не обращала на нее особого внимания. Впрочем, кто вообще сказал, что я ее видел в истинном свете, а она себя – нет?

Так или иначе, когда наблюдаешь за человеком в большой компании, он предстает тебе совсем другим. Случалось, что она плясала на столе, а на следующий день робко пряталась в тени. Стоило мне подумать, что я ее понял, как она исчезала и превращалась в совершенно нового человека – и мне приходилось начинать все по кругу.

Иначе с Анной было невозможно.

* * *

Долгие годы Стелла заполняла разверзшуюся пустоту, и я ей в этом доверял безоговорочно.

После того, что случилось, именно она продолжила мамину традицию отмечать наши дни рождения в «Макдоналдсе». К тому моменту мы уже давно переросли все эти хеппи-милы, но Стелла была неумолима. Мы с Сэлом садились за один из столиков среди розовато-бежевых стен и ждали, пока она принесет поднос, груженный стаканами с колой и пакетиками с картошкой фри, а потом с аппетитом принимались за еду, слушая тетушкины истории.

Особенно мне нравился рассказ о том, как маму не пустили в один бар в Ист-Энде, куда лицам младше двадцати одного года вход строго-настрого запрещен. Через неделю после знакомства они с папой договорились там встретиться, и мама со Стеллой, которым тогда исполнилось девятнадцать, попробовали проникнуть внутрь, но у входа их развернул вышибала. Стелла попыталась взять его обаянием, но, когда ничего не вышло, высказала все, что о нем думает, нисколько не стесняясь в выражениях. Мама утатила ее за угол, и, когда к тетушке вернулось самообладание, спокойно показала ей прореху в сетчатом заборе, окружавшем пивной сад. Стелла наотрез отказалась проникать на территорию не через входную дверь, а иными путями, а мама приподняла подол платья и пролезла в дыру. После этого, по словам тети, ее было уже не остановить.

Меня грела мысль о том, что она умеет находить выход. И не боится нарушать правила – лишь бы достичь желаемого. Как жаль, что мне не передались эти качества.

Лето 2003

– Твой дружок Дээ – это что-то с чем-то, конечно.

Мы лежали у меня в постели. До этого мы побывали в пабе, а теперь вернулись и включили один из старых выпусков «Дуракам везет». Анна положила голову мне на колени, а я сидел, прислонившись к стене, и старательно делал вид, будто это самый что ни на есть обыденный поворот событий.

– Он это все не нарочно.

– Так в том-то и соль, – заметила она. – Никто из вас и не пытается строить из себя придурка. Как-то само собой получается.

– А помягче нельзя?

– Допустим, нет, и что теперь? – Она погладила меня по ноге.

– Понимаю, со стороны ни за что не скажешь, но он на самом деле славный мальчик. Это только рядом с девчонками у него включается режим убогого чепушилы.

Она рассмеялась.

– Может, оттого, что питается он одними булочками да пивом? Вид у него такой, будто он овощей в жизни не ел!

Я задумался над ее замечанием.

– Знаешь, может, ты и права. Разве что в подливке к пасте ему мог попасться ненароком какой-нибудь овощ. Вот почему ему нужна женщина рядом.

– То есть?

– Она о нем позаботится, поможет разобраться в себе.

Анна приподнялась:

– По-твоему, в этом и состоит женское предназначение? В том, чтобы заботиться о тех, кто сам о себе позаботиться не в состоянии?

– Я вовсе не это имел в виду, – возразил я, чувствуя, как разговор устремляется совершенно не в то русло, чего мне совсем не хотелось. – Просто ему не хватает любви достойной женщины, – добавил я, поймав себя на том, что мои слова напоминают строки из какого-нибудь задушевного блюза, выпущенного «Мотаун».

– Иными словами, ему нужна мамочка, – заключила Анна и откинула прядь волос на спину.

– Нет, ты снова меня не так поняла.

– «Мужчина, двадцать два года, – начала она, подражая интонациям дикторов, зачитывающих объявления из раздела «Знакомства». – Ест, пьет и несет всякое говно, ищет женщину, которая удовлетворит все его потребности, начиная с домашней еды и заканчивая ежедневным минетом». Как заманчиво, котик, я в деле!

Я промолчал.

– А может, женщинам вовсе не хочется всю жизнь нянчиться с мужиками! – продолжила она. – А хочется связать судьбу с тем, кто твердо стоит на ногах. Неужели это невозможно? Связаться с тем, кто не расхаживает кругами с табличкой «Спаси меня. Да, я скотина. Но это потому, что рядом со мной женщины нет. А то, что ее нет *как раз потому*, что я скотина, тут вовсе ни при чем!».

– Длинновата надпись для таблички. Лучше подсократить – для удобочитаемости.

Она повернулась и посмотрела на меня, и я вдруг подумал: интересно, а видно ли со стороны, как быстро шарашит пульс под кожей?

– Издеваешься, да?

– Ни капельки. Просто хочу сгладить эту нелепую ситуацию.

Она встала.

– И поэтому издеваешься.

Я миролюбиво вскинул руки:

– Слушай, разговор явно зашел куда-то не туда. Давай отмотаем назад и все проясним спокойно.

Она схватила сумку, лежавшую на том же месте, куда она ее бросила, когда мы вошли в комнату полчаса назад, осыпая друг друга ласками и поцелуями.

– Вы все одинаковые. Ищете себе вторую мамашу. Мало вам одной, что ли? – покрасневшись, выпалила она.

Ее слова будто застыли в воздухе. Выждав немного, я проговорил:

– Да нет. Вполне достаточно.

Она стала торопливо искать в сумочке ключи.

– Чувствую себя неважно. Надо было сразу ехать домой.

– Давай я тебя провожу.

– Не утруждайся, – сказала она и пулей выскочила за порог.

А через минуту снаружи хлопнула дверь машины. Ненадолго все стихло, потом заревел двигатель – и Анна уехала.

* * *

Через пару дней мы с ней вышли на работу в одну смену. После ссоры мы не обмолвились ни словом, и в кинотеатр я зашел в наушниках, не поднимая глаз. Я видел расписание дежурств и знал, что на этой неделе Анна работает за кассой, и, пока шел через фойе, отчетливо чувствовал на себе ее взгляд.

Когда я выходил из раздевалки, ко мне метнулась рука и притянула к шкафу, стоявшему неподалеку. Анна захлопнула дверь, приникла ко мне всем телом и прижала к стене.

– Прости меня, – прошептала она, целуя мои губы. – Мне так стыдно, что я наговорила тебе всякого... Сам понимаешь...

Да, я понимал.

– А ты всегда само спокойствие! – сказала она. – Даже когда я себя веду как последняя сука, ты все равно покорный и невозмутимый, просто сил никаких нет! У меня аж зла не хватает!

Я ощутил жар ее тела, и что-то внутри вдруг надломилось. Я повалил ее на кучу мешков с зерном для попкорна, чувствуя, как она извивается подо мной. Чувство было приятное. Анна вонзила зубы мне в язык, и, нырнув руками под ее блузку, я явственно ощутил во рту привкус крови.

– Стой, – выдохнула она мне на ухо, и мои руки замерли. Некоторое время я еще лежал на ней, восстанавливая дыхание и унимая безумие, вспыхнувшее в теле.

Когда я наконец поднялся и протянул ей руку, она крепко ее сжала. Какое-то время мы стояли молча, глядя друг на друга и тяжело дыша, а потом принялись оправлять одежду. Анна пригладила волосы, потрогала щеки тыльной стороной ладони.

– Погляди, что ты со мной делаешь, – сказала она вполголоса, будто и не мне вовсе. – Сама себя не узнаю, когда я рядом с тобой.

«Ты меня в могилу сведешь», – мысленно ответил я ей.

Конец восьмидесятых

На моей памяти мама с папой ссорились только дважды.

Первая ссора произошла, когда папа отрастил бороду. До этого – сколько я себя помню – он всегда брился гладко, и я часто видел его у зеркала с белым от крема лицом и помазком с деревянной ручкой и светлыми щетинками. Иногда я задерживался в углу ванной и наблюдал, как он мажется этим самым кремом, придающим ему сходство с Санта-Клаусом, а потом управляется с опасной бритвой проворными и уверенными движениями настоящего профессионала. Он пошагово рассказывал мне о том, что делает, время от времени задавая уточняющие вопросы, чтобы проверить, внимательно ли я его слушаю.

Но потом я стал замечать, что с каждым днем на лице у него остается все меньше и меньше незаросших мест. Пошел в ванную и обнаружил на помазке тонкий слой пыли. После этого я усвоил привычку каждое утро проверять, трогали кисть или нет. И каждый раз она оказывалась в одном и том же месте, а я пытался представить, какой длины папина борода сегодня и скоро ли дорастет до плеч. За ужином, прежде чем отправить в рот очередной кусок, я всякий раз окидывал папу внимательным взглядом. Забавно, как меняется знакомое лицо, если всмотреться попристальнее.

Сперва мама просто отпускала шуточные замечания в своей добродушной манере. «Неужели бритва сломалась?» или «Надо бы пораньше приносить тебе чай по утрам, чтобы оставалось время на бритье». Папа в ответ только ворчал.

Спустя пару недель она сменила тактику. Теперь папино промокшее пальто, которое он, вернувшись домой, небрежно бросал на спинку стула у двери, так и оставалось на ней – никто уже не перевешивал его на плечики. А папины ботинки теперь никто не чистил – ему разве что оставляли на полу крем для обуви, чтобы он сделал все сам. Еду ему теперь накладывали с неизменно гневным стуком ложки. Да и за пивом приходилось ходить самому.

А в один прекрасный день мамино терпение лопнуло. Мы с Сэлом, вернувшись из школы на автобусе, зашли в дом и увидели, как родители кричат друг на друга, а мама швыряет тарелки в стену. Мы застыли на коврике, обводя их взглядом.

Заметив нас, мама закрыла лицо руками и бросилась вверх по лестнице. Папа закатил глаза и исчез в гостиной, прихватив с собой газету. Я скинул рюкзак и медленно зашагал на второй этаж, а Сэл остался наедине с осколками великолепного китайского фарфора.

Проходя мимо маминой комнаты, я прижался ухом к двери и услышал, как она плачет. И то были вовсе не отрывистые, короткие всхлипы, которые издавали мы с Сэлом, упав с велосипеда, а протяжный, гортанный стон.

Я понимал, что стоит мне сделать шаг назад, и половицы скрипнут, а мама подумает, что я подслушивал и ушел, и вместо этого толкнул дверь и скользнул к ней в комнату.

Она сидела на краю кровати, спиной к двери, лицом к окну. Я увидел ее отражение в зеркале на туалетном столике, а в следующий миг она тоже меня заметила и в ужасе зажала рот ладонями, силясь заглушить стоны, рвущиеся из груди.

Я обошел кровать и приблизился к ней. Глаза у нее ввалились и покраснели, а кожа казалась воспаленной. Она не решалась поднять на меня взгляд. По всей видимости, она старалась унять рыдания, и от одной мысли о том, что она пытается натянуть на себя маску, у меня болезненно засвербело в горле. Руки тут же потянулись к ней, я склонился и прикинул губами к ее затылку.

Она схватила меня за предплечье и притянула ближе, зарылась мне лицом в грудь и беззвучно зарыдала в мой дешевенький полиэстеровый блейзер, купленный ею на рынке несколько месяцев назад. Он был мне велик на один размер, но мама говорила, что я уже очень скоро возмужаю и вырасту.

* * *

А Сэл тем временем собрал все осколки и спрятал их в картонную коробку. Потом взял из своего стакана с канцелярскими принадлежностями черный маркер, написал наверху: «ОСТОРОЖНО» – и оставил коробку на коврике у двери, чтобы мама сама решила, что с ней делать.

* * *

Вторая ссора, которую я помню, произошла, когда папа пригласил Найджела в гости, чтобы вместе посмотреть игру.

Найджел иногда приезжал в Лондон вместе с нами. Садился за бабушкин стол, лакомясь печеной картошкой, которую она приготовила, звал ее по имени и вообще вел себя как дома.

«Все так вкусно, просто пальчики оближешь, – говаривал он, когда она ставила перед ним тарелку с десертом. – А к взбитым сливкам у тебя заварного крема не найдется?»

Голова у него была лысая, как яйцо, но этот изъян он попытался замаскировать, отравив длиннющие усы с закрученными вверх кончиками. Особенно смешно он выглядел, когда ел томатный суп. Стоило ему поднести ко рту миску, чтобы собрать остатки, как кончики усов падали внутрь и пропитывались красноватой жижей. Глядя на это, мы с Сэлом украдкой пинали друг друга под столом и хихикали в рукав.

Нрав у Найджела был паразитический. Интерес к папе просыпался в нем лишь накануне какого-нибудь матча, а все ради того, чтобы урвать себе бесплатный билет или посмотреть выездную игру с нашего дивана. Тогда далеко не у всех дома имелись спортивные телеканалы.

В людях папа разбирался плохо. Он отличался подозрительностью, причем ко всем, но стоило кому-нибудь отвесить ему комплимент, как он начинал стелиться под ноги, точно собака. А Найджел весьма поднаторел в искусстве лести. Когда речь заходила о футбольных новостях, трансферах и подписаниях контрактов, он косил под дурачка, лишь бы угодить папе, которому только в радость было первым просветить приятеля.

Порой он вовлекал в свои спектакли и меня – мог, к примеру, потрепать по щеке и сказать что-нибудь вроде: «Какой ты счастливчик, Ник! Всякий мальчишка мечтает об отце, который, как Пол Мендоса, живет и дышит футболом! У него, поди, и в венах не кровь течет, а сплошная любовь к «Арсеналу», правда же, Пол?» А папа в ответ только улыбался, явно польщенный этими речами.

Мама была настроена куда враждебнее.

– Не нравится он мне, – как-то сказала она папе. – И каким ты рядом с ним становишься, тоже не нравится.

– Так он и не обязан тебе нравиться, – парировал папа. – Два чая, один без сахара, в другой – одну ложку.

На том разговор и закончился.

Но однажды Найджел заявился на порог, когда мама и знать не знала, что он придет. Она проводила его в гостиную, не проронив ни слова, а потом вышла из комнаты и оглушительно хлопнула дверь.

Папа влетел на кухню. Мы с Сэлом застыли на лестнице и, перегнувшись через перила, ловили каждое слово.

– Я вообще пустое место! – воскликнула мама, с грохотом водружая вымытые кастрюли на металлическую сушилку. – Бесправная служанка, да и только!

– Тише, тише, – сказал папа. – Не надо меня позорить.

– Я что, не вправе выбирать, с кем проведу вечер? Неужели так уж сложно заранее со мной посоветоваться?!

– В следующий раз я тебя предупрежу о его появлении, чтобы ты заранее взяла себя в руки.

– В следующий раз?! А может, никакого следующего раза не будет! Может, ты придешь домой и обнаружишь, что я ушла! На поиски лучшей жизни! – На последнем слове ее голос дрогнул.

– Куда ушла-то? В съёмную однушку в центре? Да на здоровье. Я уж как-нибудь управлюсь один.

Настал его черед хлопнуть дверью. Он прошел по коридору с упаковкой из шести банок пива под мышкой, мы проводили его взглядом.

* * *

Сэл все никак не мог понять, отчего мама не закатила скандал.

– Почему она в жопу его не пошлет? – В своем юном возрасте он уже неплохо смыслил в сквернословии.

Я пожал плечами:

– Может, не знает как. А может, любит его.

– Любит?! Да он ведь та еще скотина! Если любовь всегда такая, то мне ее не надо, уж спасибо!

– Ты и впрямь думаешь, что во всех семьях так? – спросил я.

– Не знаю. Но на фиг тогда свадьбы и дети, если у всех так!

Я кивнул.

Иногда папа вставал из-за стола, не проронив ни слова. Вытирал рот салфеткой, задвигал стул на место и выходил из комнаты первым, пока остальные еще ели. Обычно это случалось, когда «Арсенал» проигрывал.

В такие дни мама оставалась за столом и молчала. Я делал вид, что ничего не заметил. Сэл каждый раз откидывался на спинку стула и кричал во всю глотку: «Всегда пожалуйста!» Но папа неизменно углублялся в дом, ни разу не обернувшись. Сэла для него в тот миг будто и не существовало.

– Почему ты ему позволяешь так с собой обращаться? – спрашивал Сэл маму, но та только пожимала плечами и тут же начинала смахивать в мусорное ведро остатки ужина с тарелок.

Как-то раз, когда мама ушла в супермаркет, а мы с Сэлом делали уроки за кухонным столом, в комнату вошел папа.

– Привет, ребята.

«Арсенал» как раз недавно выиграл.

– Что тебе надо? – спросил я.

– Ваша мама еще не вернулась?

– Пока нет, – сообщил Сэл. – Тебе помочь найти чайник?

Папа остановил взгляд на высокой груде грязной посуды со следами супа, оставшейся в раковине после ланча.

– Мама сказала, что все вымоет, когда придет, – быстро уточнил я, но папа засучил рукава, будто собирался шагнуть на ринг.

– Это ни к чему, – сказал он.

Мы с Сэлом переглянулись.

– Знаете, мальчики, когда я служил в армии, нас заставляли начищать сапоги до блеска – так, чтобы капитан видел в них свое отражение. И мою обувь так и норовили своровать, а все потому, что я содержал ее в образцовом состоянии, не то что у других.

Сэл заткнул уши.

– А знаете, в чем еще я не знал себе равных? – Он сделал выразительный жест в сторону раковины. – Я мог всего за шесть минут перемыть посуду, оставшуюся после завтрака целого взвода! На, держи. – Он открыл кран и протянул мне свои наручные часы. – По команде «старт» включай секундомер.

Он настроил температуру воды и выключил кран.

– Старт!

Мы никогда прежде не наблюдали отца за мытьем посуды. Обычно в уголке кухни виднелась мамина спина, в раковине мелькали ее руки в желтых перчатках, а кругом разливался аромат моющего средства. Теперь на этом месте стоял Пол Мендоса, наш папа, который не знал даже, где хранятся столовые приборы, – совсем другой человек.

– Стоп! – скомандовал он, расправившись с последней кастрюлей.

– Одна минута сорок три секунды!

Он поклонился.

– Это еще что: всего-то несколько тарелок да суповая кастрюля. А представьте, каково это, когда их целый эскадрон!

– Чудесно! – сказал Сэл и, соскользнув со стула, поспешил к выходу. – Давай ты теперь каждый день будешь мыть посуду, и чтобы без отговорок!

В двери щелкнул мамин ключ, и через пару мгновений она появилась на пороге, нагруженная тяжелыми сумками.

– Дорогая! Все в порядке? – уточнил папа, уступая ей дорогу. – Что-то ты долго.

– Очереди большие, – пояснила мама, сгружая сумки на кухонную стойку. – Я у касс, наверное, полчаса простояла. – Она устало прилегла на ворох пакетов и закрыла глаза.

– Я бы чаю с удовольствием выпил, – сказал папа.

– А? – Мама открыла глаза. – Да, конечно. Сейчас.

– Да не спеши, – сказал он ей и, достав из одной из сумок газету, направился к двери. – Я подожду, пока ты разберешь покупки.

Насвистывая что-то себе под нос, он зашагал по коридору.

* * *

Мы так и не поняли, отчего она не сумела себя отстоять. И почему Найджела и бороды хватило, чтобы сломить ее окончательно.

2003

Мы сидели в тенистом углу мемориального сада, целовались и обсуждали всякую ерунду. Солнце палило вовсю, а Анна любила жару, но я рассудил, что в тени будет безопаснее. Здесь проще уберечься от чужих глаз. В этот полуденный час в саду собралось немало народа. Встречались тут и стайки подростков, и пенсионеры на лавочках, и влюбленные, льющие друг к другу.

Но в нашем уголке никого больше не было. Нас окружали только пышные тропические растения, и стоило улечься на траву, взглянуть на листья пальм на фоне голубого неба, почувствовать спиной жар, идущий от земли, – и тут же казалось, что мы на каком-то далеком острове. А монотонный шум машин, доносящийся с шоссе неподалеку, – это баюкающий плеск прибрежных волн.

– Если бы ты мог отправиться в любую точку мира, куда бы поехал?

– В Италию, – не задумываясь ответил я.

– Я тоже! – Она приподнялась на локте и посмотрела на меня. – Там настоящий рай для писателей, столько вдохновения! А куда именно?

Я пожал плечами.

– Думаю, там и в провинции очень красиво. Но наверное, в Венецию, – ответил я и посмотрел на нее. – Погоди-ка. Ты-то уже в Италии наверняка бывала.

Анна залилась краской:

– В Венеции не была!

– Я уж думал, ты скажешь, что Венеция – это клише.

Она состроила гримаску:

– Ну а как без клише? Даже попытки спрятаться от них и жить свободной жизнью – это тоже вполне себе клише! Мы в жопе хоть так, хоть эдак, ничего не поделаешь!

– Ну ты и хулиганка, а! Я других таких не знаю!

Она рассмеялась и сорвала несколько травинок.

– Девчонка бунтует против религиозного воспитания и потому так и сыплет ругательствами при любом удобном случае. Классическое клише. А тебе бы хотелось, чтобы я не ругалась?

Я покачал головой:

– Мне ты нравишься такой, какая ты есть.

– Славно, – ответила она и снова улеглась на траву, подняв взгляд в небо. – Потому что в противном случае черта с два я бы бросила это дело.

* * *

Мне понадобилась летняя обувь, так что мы отправились в город на ее поиски. Анна всю дорогу шагала чуть впереди, а когда мы зашли в магазин, стала внимательно разглядывать лица покупателей.

– Ты будто мой телохранитель, – шепнул я ей на ухо, а она посмотрела на меня и улыбнулась.

– А тебя что, надо защищать? – спросила она, разглядывая вещи на вешалках. – Вот это тебе очень пойдет, – заявила она, показав мне темно-синюю футболку. – Мне нравится этот цвет на парнях, – заявила она, но потом, словно передумав, повесила футболку на место. – Мы за обувью пришли, помнишь?

Я выбрал какие-то парусиновые туфли и пошел заплатить за покупку, а Анна пообещала, что будет ждать меня у выхода. Поравнявшись со стойкой, на которой висели те самые темно-

синие футболки, я обернулся, чтобы убедиться, что Анна меня не видит, отыскал нужный размер и прихватил с собой на кассу.

* * *

Чуть позже мы направились к ее машине. Ноги обжигал жар, пробивавшийся сквозь бетон. В воздухе пахло горячим асфальтом – резко, точно бензином перед самым взрывом.

– Стой, – вдруг сказала она, схватив меня за руку. – А почему бы нам этого не сделать? Почему бы не поехать в Италию?

Я остановился.

– Вдвоем?

– Да! – Она крепче сжала мою руку. – Ну давай! Давай поедем!

– А когда?

– Слышала, в Венеции очень красиво зимой. Да и поспокойнее. – Она улыбнулась. – Как-никак мы против клише.

Я не знал, что на это сказать. Как я мог согласиться, не убедившись сперва, что она не шутит, что вся подготовка, отговорки для родителей, обходные пути – все уже продумано? Как мы это все провернем? Я не знал, что ответить, и потому промолчал.

– Да ладно тебе! – сказала она и потянула меня в город. – Чего это ты так испугался?

Мы зашли в турбюро, а вышли с ворохом брошюр, блестящие страницы которых пестрели гондолами, столиками кофеен, видами закатов. Типичные итальянские мотивы, пояснила мне Анна, уже не заботясь о том, чтобы идти от меня чуть поодаль. Ее, кажется, нисколько не волновало, что нас могут увидеть вместе.

– Ой! – меня вдруг накрыла знакомая волна разочарования, и я остановился как вкопанный. – У меня паспорта нет.

Она посмотрела на меня так, будто я ляпнул несусветную глупость.

– Я лет десять не выезжал за границу, – сказал я в свое оправдание. Пальцы нащупали в кармане зажигалку.

Она быстро обдумала мои слова, потом резко развернулась и зашагала в другую сторону – видимо, вернуть брошюры.

– Ты куда? – спросил я.

– На почту! – бросила она через плечо. – Хватит уже отговорки искать!

Мы нашли на стойке анкету и остановились у фотобудки. Я посмотрел на свое отражение в крошечном зеркальце и провел рукой по бритой голове.

Анна толкнула меня внутрь и усадила на стул.

– Только не улыбайся, запомнил? – сказала она, забрасывая монетки в слот.

– погоди! – сказал я, когда она отступила и стала задерживать шторку. – У меня есть мелочь! – Но тут полыхнула ослепительная вспышка.

– Так, один кадр запороли, – прокомментировала Анна снаружи. – Осталось еще три.

Я старательно расслабил лицо и попытался придать ему спокойное выражение, хотя внутри у меня все бурлило. Краешком глаза я заметил за занавеской загорелые ноги Анны. Ее ногти, покрытые красным лаком. Я с трудом сдержал улыбку, и тут вспышка полыхнула снова.

* * *

Я помню тот день фрагментами. Как мы лежали на траве в мемориальном саду, шли к ее машине, были на почте, потом переместились ко мне, где улеглись в постель и стали рассматривать брошюры и обсуждать, куда именно поедем. Эти воспоминания живут у меня в голове, будто смонтированное кино. Немного неправдоподобное, слегка клишированное, состоящее

лишь из самых удачных кадров. Может, я не слишком точно запомнил слова, прозвучавшие в тот день, но чувства, которые они во мне пробудили, прочно запали в память – а ведь что, по сути, остается у нас от других, если не чувства, которые мы рядом с ними испытывали? Они словно точка в конце предложения. Мутное зеркало, сквозь которое мы силимся разглядеть себя.

Два удачных снимка я прикрепил к документам, третий, не соответствовавший требованиям, Анна отрезала и спрятала в сумочку. А я оставил себе последний. На нем виден профиль Анны – она тянется ко мне из-за шторы и льнет языком к мочке моего уха. Рот мой смеется – от изумления, от шока, от ужаса. Глаза крепко зажмурены, а кожа такая красная, будто вся кровь пробилась на поверхность, будто я не могу поверить в происходящее, будто я счастлив.

Конец девяностых

Когда в жизни ребенка случается травматичное событие, его воспоминания делятся на два лагеря: «до» и «после». Если детство – это пирог, то травма – нож, разрезающий его насквозь. Это написание слова и вычеркивание его. Маленький мозг не в силах постичь всей гнусности случившегося. И только метафоры все проясняют.

Во всяком случае, так было со мной.

После случившегося одна девчонка в начальной школе прислала мне любовную записку. Ее звали Тэмми, и она носила в ушах сережки-звездочки, которые приходилось заклеивать перед каждым уроком физкультуры. Свое послание она написала на розовой бумаге, которая пахла клубникой, а букву «й» украсила сверху цветочком. «Тэмми любит Ника. А Ник любит Тэмми? Не разбивай мне сердце!» А снизу она нарисовала сердечко с трещиной посередине – как иллюстрацию того, что будет, если его разбить.

Записку мне передала на школьной площадке Джоанн Батлер – и тут же ушла к Тэмми и другим девчонкам. Под их пристальным взглядом я медленно развернул записку, прочел ее и, помнится, добравшись до треснувшего сердечка, уставился на него и смотрел на несколько мгновений дольше, чем полагалось бы. Отчего-то меня зацепила эта маленькая прореха в форме молнии, рассекшая целое на две половинки. По прошествии минуты или около того я поднял взгляд и увидел, что все девчонки смеются – все, кроме Тэмми, – и, хотя я вовсе ее не любил, я улыбнулся ей, будто это не так, а она улыбнулась в ответ, и вид у нее сделался самый что ни на есть счастливый. У меня было такое чувство, будто я сделал доброе дело. Потом прозвенел звонок, и я смял записку в крохотный комочек и бросил на землю.

Есть у меня воспоминание из обеих лагерей разом.

В детстве я просто обожал цирк, а все потому, что пересмотрел «Бронко Билли», где Клинт Иствуд кидает ножи в свою возлюбленную, привязанную к колесу. Недаром на девятый свой день рождения я попросил в подарок набор «Обезьянки в цирке» и долгие часы рассаживал их по лавочкам и качелям, крепил за лапки к трапеции и крутил – снова и снова. И сам не знаю, за что я так любил цирк. Но факт остается фактом.

Я грезил о том, что однажды мы отправимся туда все вместе, вот только наша семья была вовсе не из тех, что выбирают куда-нибудь на выходные. Знаете, бывают такие семьи, у которых есть годовой абонемент в Торп-парк или Леголенд, которые договариваются с другими родителями о совместных выездах, не берут с собой ланч в поездку, а заходят в местные ресторанчики и выбирают из ламинированного меню все, что только душе угодно. Они часто собираются в дорогих развлекательных центрах, хохочут от души, устраивают частые паломничества в «Дисней», ходят друг к другу в гости на воскресный обед, играют в мяч в местном парке. Так вот, моя семья не из их числа.

Как-то раз папа поехал в Девон за клюшкой для гольфа, заказанной у поставщика. Она была очень редкой и стоила целое состояние, и потому папа решил не доверять доставку ни продавцу, ни нерадивым почтовым службам, а проехать пару сотен миль и забрать ее лично. Каким-то чудом мама уговорила его взять меня с собой, и мы целых восемь часов провели в машине вдвоем. Я ехал на переднем сиденье, рядом с ним, а в какой-то момент, по пути домой, мне даже разрешили поставить в магнитоле кассету по своему выбору. Я рассказал папе про группу, которую мы слушали, пересказал историю написания одной из песен, которую я читал, и он, как мне показалось, внимательно слушал. Клюшка лежала на заднем сиденье – судя по всему, и впрямь очень, очень хорошая, – а папа улыбался и явно пребывал в отличном настроении – недаром он время от времени ерошил мне волосы.

Мы притормозили перед очередным светофором, и я, выглянув в окно, увидел на деревянном билборде огромный плакат. И сам не знаю, как мне только хватило смелости, но я ляпнул:

– Пап, а ты меня сводишь в цирк?

– Что?

Я указал на плакат – на льва с широко распахнутой пастью, на укротителя и его неправдоподобно густые, изогнутые кверху усы. Он раскинул руки в радушном жесте, будто приглашая нас в гости.

– Туда сводишь?

Папа молчал добрую минуту. На его лице возникло то самое выражение, которое появлялось каждый раз, когда он не знал, что сказать, и попросту тянул время.

– Неужели тебе так уж нравится цирк?

Я кивнул:

– Я давным-давно мечтаю туда попасть!

– Правда? – Он почесал подбородок. – Что ж, сынок. Давай вот как условимся. Когда цирк приедет к нам в город, я тебя обязательно туда свожу.

Я так обрадовался, что даже поблагодарить его не смог.

* * *

А через полгода произошло то самое событие.

Молния раскроила сердце.

* * *

Через девять месяцев я как-то раз прибежал из школы и, швырнув рюкзак на пол, воскликнул:

– Папа!

Он сидел в гостиной, поставив ноги на скамеечку и углубившись в газету, раскрытую на разделе «Спорт».

– Пап, они приезжают через месяц! – сообщил я, задыхаясь; в тот миг мне казалось, что я вот-вот умру.

– А?

– Цирк! Помнишь? Через месяц он будет у нас в городе!

Папа опустил газету пониже и с недоумением посмотрел на меня:

– Напомни-ка, о чем речь.

– Помнишь, мы с тобой в прошлом году ездили в Девон за клюшкой для гольфа? И увидели афишу! Ты пообещал, что сводишь меня! – напомнил я, не в силах сдержать отчаяния.

Его лицо резко изменилось. Сэл стоял на пороге, придерживая дверь, и с сочувствием наблюдал за моими стараниями. Он с самого начала знал, что так все будет. «И все же он пообещал, что отведет меня! – восклицал я, сидя в машине рядом с тетей Стеллой по пути домой. – А он ведь «слов на ветер не кидает»! И постоянно об этом твердит! Правда ведь, тетя Стел?»

Она крепче сжала руль, не сводя глаз с дороги.

И вот теперь я ждал, что папа подтвердит то, что я уже и без него понял: он попросту забыл о своем обещании. Он почесал подбородок и наконец сказал:

– Ну конечно, помню-помню! Не беспокойся, сынок. Я все обсужу со Стеллой и достану билеты. – И он вновь углубился в чтение.

Я торжествующе улыбнулся и посмотрел на Сэла. Вот видишь, читалось в этой улыбке. Я же говорил!

Сэл только закатил глаза и исчез за дверью.

* * *

Несколько недель, вернувшись домой из школы, я регулярно перекапывал стопки бумаг на письменном столе в поисках хоть каких-нибудь улик. И наконец однажды нашел на ворохе квитанций конверт, из которого высунулись три билета на дневное субботнее представление. Места дешевые, но какая к черту разница. Блестящая золотисто-алая рамка на конверте выглядела в моих глазах на миллион долларов, не меньше.

* * *

Настала суббота. Мы с Сэлом проснулись за час до выхода, спустились на кухню и обнаружили там тетю Стеллу, которая уже вовсю варила кашу.

– Привет, тетя Стел, – сказал я, усаживаясь за стол и хватая ложку. – А что ты тут делаешь? Сегодня же выходной.

Она медленно обернулась, посмотрела на наши смущенные лица и выругалась вполголоса.

– Так он вам ничего не сказал, – произнесла она, будто уже обо всем знала.

– Что не сказал? – уточнил Сэл, и в ту же секунду на кухню зашел папа, бережно прижимая к себе клюшку.

– Что ж, Стел, увидимся, – сказал он.

И тут я начал понимать, что происходит.

– Сердце у тебя каменное, право слово, Пол, – сказала она и, сдернув фартук, кивнула на меня: – Ты его глаза вообще видел?

– Пап, мы ведь поедem в цирк?

Он поморщился.

– У меня сегодня турнир, сынок. Его еще несколько месяцев назад запланировали. Меня попросили его организовать, а я слов на ветер не кидаю. Ты не против, а? Да и потом, с тетей Стеллой тебе будет гораздо веселее, – сказал он и взъерошил мне волосы.

Я не в силах был поднять на него взгляд. Как и на Стеллу и Сэла. По лицу разлился жар, и я утер глаза рукавом. Стул неприятно скрипнул по линолеуму.

– Ник, – начала было Стелла, но я увернулся от ее рук и бросился к себе в комнату.

Вжался пылающим лицом в холод подушки, нырнул в привычное убежище, где меня тут же поглотил мрак.

* * *

Разница в возрасте у нас с Сэлом всего два года, и потому даже в самых ранних моих воспоминаниях мы появлялись неразлучным трио. Но, помнится, однажды – мне тогда было лет восемь или около того – мы с мамой провели наедине целый день, только она и я. Она любила порой устраивать такие дни. Начиналось все с того, что она просила «везунчика» – такое обозначение мы выдумали сами – высунуть язык и, сдвинув брови, замечала: «Выглядит не очень. Пожалуй, школу тебе сегодня лучше пропустить. Как ты на это смотришь?» И один из нас оставался дома смотреть телевизор – или отправлялся в парк есть картошку фри – или

в Уитстабл, кидать камешки в море. Сам не знаю, зачем мама все это устраивала. Наверное, скучала по нам, пока нас не было.

В тот день мы высадили Сэла у школы и поехали в кино, где как раз показывали «Назад в будущее – 2». Мама заранее приготовила сэндвичи с арахисовым маслом и огурцом и разрежала их на четвертинки, и в кинотеатре я ел их, развернув фольгу, а мама попивала из термоса какой-то домашний коктейль, тайком пронесенный в зал. Сэндвичи оказались очень вкусными, и мы с улыбкой переглядывались в полумраке, пока на экране Марти Макфлай защищал свою маму от Биффа, путешествовал во времени, чтобы только спасти собственную семью и не дать будущему вырваться из-под контроля, – словом, отчаянно пытался сделать так, чтобы жизнь его не рассыпалась в прах.

Вот бы и мне, черт возьми, машину времени.

Лето 2003

– Это что, космический корабль? – спросила Анна просяив.

Мы стояли в углу моего сада. А перед нами возвышался серебристый купол, напоминавший елочную игрушку и венчавший собой круглое кирпичное основание. Внутри вела низенькая дверца. В саду, разбитом у викторианского дома приходского священника, такая постройка и впрямь выглядела необычно, будто явилась из другого мира.

– Это обсерватория, – пояснил я. – Чтобы наблюдать за звездами. Тут одно время жил ученый – так вот, он там просиживал ночи напролет с телескопом. Крыша, по идее, поднимается. Я давно сюда не захаживал, с самого детства.

– А мне покажешь, что там и как?

– Внутри наверняка все в паутине.

Анна вскинула руки и собрала волосы в высокий хвост, закрепив его резинкой, которую до этого носила на запястье.

– С тобой мне ничего не страшно.

Я осторожно толкнул дверь, и петли протяжно заскрипели, а подгнившее дерево поддалось, открыв проем. Нагнувшись, я всмотрелся во мрак.

– Да это прямо портал в иное измерение! – воскликнула Анна, присев на корточки рядом со мной. Ее обнаженное предплечье скользнуло по моему, и я заметил на запястье отпечаток резинки, которой она перевязала волосы.

– Погоди минутку, – попросил я и побежал на веранду, протянувшуюся вдоль задней части дома. Распахнул невзрачный деревянный сундук, достал подушки и мягкие сиденья, положил их на крышку и хорошенько взбил, чтобы избавить от многолетней пыли.

Когда я вернулся к обсерватории, Анна уже забралась внутрь. Я протолкнул подушки в дверь, а потом последовал за ними, опустившись на колени.

Преодолев порог, я выпрямился и подошел к Анне. Солнечный луч, пробивавшийся внутрь сквозь дверной проем, зловеще подсвечивал ее лицо.

– Только не говори, что они у нас будут вместо матраса, Николас, – сказала она, оценивающе посмотрев на подушки.

Мое имя в ее устах производило на меня странное воздействие.

Внутри все было заставлено до того плотно, что места хватало разве что на двоих. Отчего-то мрак придавал мне смелости, и я наклонился вперед и поцеловал Анну.

Она слегка отстранилась и потерлась кончиком носа о мой.

– Люблю, когда ты прихватываешь мне язык зубами.

Я притянул ее к себе.

– Погоди, – сказала она, оттолкнув меня. – А как же крыша? Помнишь?

Я достал из кармана зажигалку, щелкнул, и обсерваторию залил оранжевый свет. Я обвел взглядом пространство вокруг и наконец нашел задвижку, тянувшуюся вдоль стены, дернул за нее со всей силы, и она поддалась. Обсерваторию залил свет.

– Если у вас там и впрямь машина времени, может, и мне местечко найдется?

Мы увидели в дверном проеме худощавые ноги в шлепанцах. Анна посмотрела на меня.

– Это мой брат, – пояснил я.

Тем временем Сэл уже пролез внутрь, а Анна прижалась ко мне, чтобы освободить ему место.

– Ты, наверное, Сэл, – сказала она, протягивая руку. – А я Анна.

На лице Сэла появилась широченная улыбка.

– О, я прекрасно знаю, кто ты.

Анна покосилась на меня, а я – на брата. «Только попробуй», – пронеслось у меня в голове.

– Послушай-ка, Анна, – сказал Сэл, устроившись у стены на подушке. – Мне один приятель только что подогнал первосортную травку, и я с удовольствием тебя бы ею угостил.

Мы последовали его примеру и сели рядом, точно две недостающие вершины треугольника. Анна вытянула ноги и положила ступни мне на колени. Я закурил.

– Нет, спасибо, но ты кури, не стесняйся.

– Многое теряешь, – заметил Сэл. – Товар качественный. Чистейший.

– Анна не курит, – пояснил я, затянувшись.

– Так это разные вещи, – возразил Сэл, доставая упаковку папиросной бумаги «Ризла» и пакетик с зеленоватой травой. – Эта гадость, – он кивнул на сигарету в моей руке, – тебя угробит. Как, впрочем, и пиво, если пить его каждый вечер.

– Сэл у нас ходячий парадокс, – пояснил я Анне. – Ярый антитабачник, к переработанным продуктам в жизни не прикоснется, дважды в неделю играет в футбол, но при этом хватается за любой наркотик, что только под руку попадется, и в упор не видит тут никакого противоречия.

– Но до героина-то дело не доходило? – уточнила Анна.

Сэл лизнул бумагу и покачал головой:

– Иглы – это не мое, смелости не хватает.

– А какво это? – спросила Анна. – Что человек чувствует, когда покурит?

Сэл поднес зажигалку к косяку и затянулся как следует. Кончик самокрутки ярко запульсировал.

– Мир сразу становится прекрасным.

Он выдохнул облачко дыма, и мы проводили его взглядом, пока оно поднималось в небо.

– Дай попробовать, – попросила Анна и протянула руку.

Я вскинул брови, а Сэл отдал Анне косяк, и она поднесла его к губам. Потом закашлялась, рассмеялась и отдала его обратно.

– Ну и дела, – прокомментировал я.

Она улыбнулась мне:

– Ну что, старичок, ты в шоке?

– Рядом с тобой никогда не знаешь, с какой Анной придется иметь дело сегодня.

– Я и сама никогда не знаю, какой Анной мне предстоит быть.

Она сделала Сэлу знак снова дать ей самокрутку и затянулась опять, на этот раз глубже. Видимо, товар и впрямь был отменный, потому что подействовал моментально. Анна сбросила сандалии и игриво толкнула меня большими пальцами.

– Не знаю, как ты к нам добралась, но за руль тебе сегодня уже нельзя, – сообщил Сэл.

Но Анна только пожала плечами и зажмурилась:

– Тогда мне придется остаться у вас на ночь.

Сэл подмигнул мне:

– Да на здоровье!

Вдалеке послышался протяжный глухой раскат грома, и мы переглянулись, а потом посмотрели на небо, простершееся над нами на месте поднятой крыши. Ярко-голубое, но этот звук ни с чем не перепутаешь.

– И впрямь обещали дождь, – заметил Сэл.

Мы прислушались, и спустя несколько секунд звук повторился.

– Гроза еще в нескольких милях отсюда, – заметил брат.

А Анна произнесла, не сводя глаз с неба:

*– Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...*

– Это ты сама сейчас сочинила? – поинтересовался Сэл, отняв от губ косяк.

– Боже, нет, конечно, – ответила она. – Это стихи Анны Ахматовой, русской поэтессы.

Мне они всегда очень нравились.

Сэл снова выдохнул в небо струйку дыма.

– А я все больше по математической части, – сказал он.

Анна состроила гримаску:

– Слова куда гибче! Можно любую точку зрения отстоять, если подыщешь веские аргументы. А цифры все сплошь точные и безжизненные! На них под разными углами и не взглянешь!

– В этом-то и кроется их красота, – пояснил я. – Они неизменны.

– Стало быть, у вас все-таки есть кое-что общее, – заметила Анна, устроившись поудобнее – и поближе ко мне. – В жизни не встречала таких непохожих братьев. Вы правда родственники, а?

– Ну что за вопросы! – возмутился я.

Анна взяла меня за руку и положила ее себе на плечи.

– Ты бы видел вас обоих со стороны. Даже имена у вас совсем разные, как день и ночь!

– Меня называл папа, – рассказал я, стараясь не обращать внимания на оглушительный стук в груди. – Он хотел дать нам типично британские имена, но мама настояла на том, чтобы Сэла назвали именно так. Решила отдать дань итальянскому наследию папы. Кажется, сперва они сошлись на каком-то другом имени, но потом мама одна пошла за документами и поменяла имя на Сальваторе. Смелый поступок, сказать по правде.

– Думаю, он и не заметил, – сказал Сэл.

– Какое красивое имя, – проговорила Анна. – Сальваторе. Спаситель.

– Да уж, иронично, – отозвался Сэл и, потушив косяк, спрятал его в пакетик. – Ну ладно. Я бы еще с вами посидел, но не хочу мешать.

Анна сунула ладонь мне в карман, и волоски у меня на руках вздыбились.

– Анна, очень рад знакомству, – сказал Сэл, и они стукнулись кулаками на прощание.

– Мне уже нравится Сальваторе, – призналась Анна, когда он ушел.

– Да, он очаровашка.

– Зачем ему все это? – спросила она, поглаживая меня по внутренней стороне руки. – Наркотики и прочее.

– Он уже много лет так живет, – сказал я, забарабанив по ноге, чтобы хоть как-то отвлечься от вспыхнувшего внутри пламени. – Думаю, изначально он просто хотел забыться, не оставаться наедине со своими мыслями. Бывают такие люди, знаешь. Им важно во что бы то ни стало заглушить шум в голове. А теперь это уже вошло в привычку.

– Может, и мне ее перенять?

– Только попробуй!

Анна повернулась, в мгновение ока оказалась на мне и сдернула майку через голову. Я стянул резинку с ее волос, и они упали ей на плечи и защекотали мне щеки, когда она склонилась ниже, нежно обхватила мое лицо ладонями и надавила на меня всем телом. Я скользнул рукой вверх по ее обнаженному бедру и начал ласкать ее сквозь ткань шорт. Анну била дрожь.

– Ты и не представляешь, как сильно я тебя хочу, – сказала она мне на ухо. Но прозвучало это так, будто она нарочно заставила себя это сказать, и я схватил ее за запястья и ответил:

– Не надо.

– Я уже вся мокрая, – прошептала она.

– Нет, Анна. Стоп.

– То есть как это? – спросила она, глядя на меня расширенными после травки глазами.

Я погладил ее по щеке.

– Я так не хочу.

– А, поняла! – Она скатилась с моих колен и привстала, приподняв ягодичы, а потом посмотрела на меня через плечо. – А так хочешь?

Я поймал ее за карман, притянул к себе и вновь усадил на колени.

– Поцелуй меня – и все.

Анна отстранилась:

– Ты гей, что ли?

– Что? Нет, конечно! По-моему, когда ты сидела на мне, это было вполне очевидно.

– Тогда в чем проблема?

Я вздохнул:

– А то непонятно. Ты накурилась.

– Ой, не начинай, а.

– Я не собираюсь тебе мораль читать и все в таком духе, – сказал я, помня, как плохо это закончилось в прошлый раз. – Просто я так не хочу, вот и все.

Анна расхохоталась и попыталась сползти с моих колен.

– Теперь понятно. Совсем я забыла об этих твоих любимых играх. Вечно тебе надо все контролировать! И плевать, чего я хочу – и когда!

Я отпустил ее, и она отстранилась.

– Никакие это не игры, – сказал я. – А наши с тобой отношения.

Она села и натянула майку, а потом закрыла лицо руками и то ли усмехнулась, то ли всхлипнула.

– Господи, ну что я за идиотка!

– Слушай, мне жаль, что так вышло, – сказал я, осторожно ее коснувшись. – Ты здесь ни при чем. Точнее сказать, в тебе-то все и дело.

Новый смешок.

– Думаешь, я тебя не хочу? – спросил я, тяжело сглотнув. – Я парень вообще-то, а против природы не попрешь. Но мне важно, чтобы ты тоже была со мной в этом самом моменте, в этой самой комнате, и душой, и телом. Ты чертовски соблазнительна, даже когда накуришься, но я хочу, чтобы ты все соображала, когда я тебя касаюсь. Чтобы осознавала, что я тебя касаюсь. А не валялась в отключке.

Анна прикусила губу.

– И как тебе только это удастся? – спросила она.

– Что?

– Укрощать меня, не слетая с катушек?

Я закурил еще одну сигарету.

– Я кричу на тебя мысленно.

Мы немного посидели в тишине. Солнце уже закатилось, а гроза, видимо, прошла стороной. Небо приобрело тот насыщенный темно-синий оттенок, какой бывает у него после заката, до наступления темноты. Мама как-то назвала его «сумеречным». Мы с ней тогда сидели на самой высокой точке Уай-Даунс, у большой белой короны, вырезанной когда-то на меловом склоне холма, и смотрели, как в домах внизу загорается свет.

– Я хотела у тебя кое-что спросить, – сказала Анна. – Если можно.

Я молча ждал вопроса.

– О твоей маме. Где она?

В ветвях деревьев запели птицы. Они звали друг дружку домой, в постель, отдыхать до утра. Воздух был спокойным и неподвижным.

Ответил я не сразу. Продолжил курить свою сигарету, чувствуя, как мои легкие и разум наполняются благодаря ей смертоносным покоем, а потом загушил окурком. Сел в тени, чуть поодаль от Анны, и впервые в жизни рассказал историю моей матери.

А когда я закончил, Анна закрыла лицо руками и заплакала.

Начало девяностых

После того как все случилось, Стелла стала уделять нам значительно больше времени. Она возила нас в школу в дни, когда папа работал или когда мамы других детей не могли нас подбросить. Если нужна была новая форма, именно она везла нас в «Маркс-энд-Спенсер», чтобы подобрать одежду по размеру, а когда в школе устраивали благотворительную ярмарку, на которую полагалось приносить домашнюю выпечку, Стелла покупала пирог в кондитерской.

Когда она привезла нас из цирка, мы с Сэлом съели за кухонным столом свои хеппи-милы и отправились спать. Переодевшись в пижаму, я немного посидел на лестнице, прислушиваясь к тому, как тетя моет посуду. Я просунул голову между перилами так, что они плотно сжали мне виски, зажмурился и представил, что это мама.

Она заглянула в гостиную, чтобы попрощаться с папой, а потом пошла в прихожую и сунула руки в рукава своего пальто.

Папа вышел следом, спрятав ладони в карманы. Я наблюдал за происходящим сверху, воспользовавшись тем, что на втором этаже у лестницы нет ни одного окна и можно прятаться от чужих глаз в полумраке.

– Стало быть, все прошло отлично?

– Да, отлично, – подтвердила Стелла, застегивая пуговицы. – Просто прекрасно. Мы поели сладкой ваты, а еще я разрешила им поиграть на автоматах. Думаю, у меня получилось отвлечь его от твоего отсутствия.

Папа рассеянно кивнул, позвякивая монетками в кармане.

– Я тут подумал... – начал он и почесал затылок. – Может, тебе перебраться к нам? Свободная комната есть, мы ее для тебя обустроим. Так тебе будет проще – не придется мотаться туда-сюда каждый божий день.

Стелла сунула руки в карманы пальто и вздохнула:

– Нет, Пол.

Папа выпрямил спину:

– Стелла, ты им нужна.

С губ тети сорвался невеселый смешок, и она покачала головой:

– Нет, кто им нужен – так это родной папа.

– И что мне делать? Я должен зарабатывать нам на хлеб. Не могу же я еще и одежду стирать и застилать кровати!

Стелла шумно втянула ртом воздух.

– Ты предостаточно времени проводишь со своими работягами. Но не забывай о том, что и у меня есть работа!

– Разливать пиво в пабе, – язвительно заметил папа.

– Ну ты особо-то не зубоскаль, все-таки возиться с грязными автомобилями за тридцатку в день – не шибко лучше. – Стелла наклонилась и подняла с пола свою сумочку. – Я рада, что могу время от времени помогать тебе с ребятами, Пол, но пойми, у меня своя жизнь.

– Но своей семьей ты при этом не обременена, – напомнил он.

Стелла метнула на папу неодобрительный взгляд.

– Если бы я хотела своих детей, они бы у меня уже были, – сказала она.

– Мои сыновья рады будут это услышать, – парировал он. – Они в тебе души не чают. А тут выясняется, что тебе намного интереснее играть в бинго и опрокидывать стакан за стаканом в обществе каких-то дерзких юнцов, чем сидеть с собственными племянниками!

Стелла достала ключи и легонько их встряхнула.

– Ты и представить не можешь, до чего я люблю этих мальчишек, но им нужна не я. Я ведь не забыла, как все складывалось между тобой и папой, когда мы были детьми. Неужели ты желаешь собственным детям такой судьбы?

Папа потупил взгляд.

– Найми экономку, – посоветовала тетя и открыла дверь. – В понедельник заеду, привезу запеканку.

* * *

Сэл умел очаровывать девушек.

В школе за ним увивалась целая куча поклонниц. Причем это были не абы какие девчонки, а модницы. Таких всегда видно издалека. Полжизни они проводят у зеркала – выпрямляют волосы, выпячивают губы, глядя на свое отражение, вертятся и придиричиво разглядывают себя со всех возможных углов. Во время футбольных матчей они вечно голосили со зрительских трибун и бросались обниматься всякий раз, когда Сэл забивал гол. Как-то раз я даже видел, как группка таких вот модниц высыпала из машины кого-то из родителей, дождалась, пока она уедет, и дружно поддернула юбки повыше – да так высоко, что они теперь больше походили на пояса. А потом девчонки расслабили галстуки и расстегнули пуговицы на блузках. И, взявшись под ручку, направились к школе.

Мы все грезили об этих красотках. Они знали свои достоинства и умело выставляли их напоказ. Мальчишки-подростки напрочь лишены воображения. Скажем, если нужно купить диван и выбирать приходится между синим, стоящим на витрине, и зеленым, о котором можно судить лишь по крохотному образцу ткани, то выбор немедленно делается в пользу синего. Его проще представить, а потому и предпочесть. Впрочем, согласен, сравнивать девушек с диванами не вполне правильно.

Такие уж они, мальчишки. Им нужно, чтобы все было четко и понятно.

Но Сэлу ни одна из этих модниц не нравилась. По моим ощущениям, процесс всегда занимал его больше, чем результат. Мне вечно казалось, что он выбирает путь посложнее – и так во всем. А может, он понимал, что ловить здесь особо нечего.

Девушки ему нравились миниатюрные, темноволосые и страстные. Такие обычно увлекаются историей театра и густо подводят глаза черным карандашом, отчего приобретают сходство с перепуганным енотом. Вечно ходят в черном, носят короткую взлохмаченную стрижку либо длинную непослушную гриву, и если волосы у них от природы светлые, то они непременно красятся в брюнеток. Никто не знает, какое место в иерархии крутизны они занимают среди сверстников, и в этом кроется их особое очарование.

Первой такой девушкой на моей памяти была Стэйси. Она окончила школу на год раньше нас и устроилась на подработку в магазин мужской одежды в центре. Мы с Дэзом частенько заходили туда и делали вид, будто увлеченно разглядываем вещи – кстати, дизайнерские и чересчур дорогие для парней, зарабатывающих на жизнь разноской газет. Мы открывали дверь, над нами неизменно звенел колокольчик, и Стэйси жестом звала нас к себе, в дальнюю часть магазина. У меня есть кое-что специально для вас, говорила она и убеждала нас примерить какое-нибудь пальто или джемпер, а сама вставала позади нас перед зеркалом и поправляла рукава или полы вещи, чтобы она получше сидела на наших юношеских, распаленных похотью телах. Как-то раз Дэй даже спустил все деньги, скопленные за семестр, на джемпер бренда «Боксфреш», в котором его руки, по словам Стэйси, казались накачанными и мощными. Ей, по всей видимости, платили процент от продаж. Дэй несколько недель с Сэлом не разговаривал, когда мы под самый конец лета случайно увидели, как они со Стэйси обнимаются у входа в «Вулвортс».

Сэл флиртовал то с одной, то с другой, но первой его настоящей девушкой была Клио. На самом деле ее звали Клои, но это имя казалось ей чересчур избитым, и потому она переставила в нем буквы. Познакомились они в видеопрокате, где Сэл тогда подрабатывал: управляющий попросил его лично провести собеседование с кандидатами на вакантное место. Клио зашла к нему первой, а ушла самой последней.

Весь ее первый рабочий день они с Сэлом проспорили о «Форресте Гампе». «Дерьмовый фильм, – заявила Клио. – Банальный до ужаса. Сам посудите: ну сколько масштабных исторических событий можно уместить в жизнь одного человека?» Сэл не желал ей уступать. «Миллионы людей с тобой не согласны!» – говорил он. «А мне наплевать, – парировала Клио. – Я считаю, что полная чушь, значит, так оно и есть!» Спор продолжался в таком русле до самого закрытия, а потом Сэл запер входную дверь, и они стали трахаться прямо за кассой, у полок с кассетами.

Во всяком случае, так он пересказывал эту историю.

Но их отношения продлились недолго. А после расставания Сэл рассказал, что она была с причудами. Например, в постели заставляла звать ее именем своей лучшей подруги – первое время ему это даже нравилось, но потом все зашло слишком далеко. По словам Сэла, Клио не разрешала к себе прикасаться, пока он не сделает вид, что перед ним и не она вовсе, а другой человек. А летом, когда она уехала изучать биомеханическую инженерию, они расстались. К тому времени она уже успела вернуть себе имя Клои.

Следующей была Тесс. Мне она нравилась. После Клои она казалась относительно нормальной. При этом соответствовала идеалам Сэла по части мрачности и миниатюрности, но, в отличие от остальных его пассий, особой сложностью натуры не выделялась. А может, я просто плохо ее знал. Бросалось в глаза, что в Сэле она души не чает: каждый раз, когда он что-нибудь рассказывал, она подпирала подбородок кулачком и склоняла голову набок, будто и впрямь внимательно его слушает. Мне это нравилось.

– А Тесс славная девчонка, – сказал я ему как-то раз, когда мы сидели вместе за кружкой пива.

– А? Да, пожалуй, – ответил он, вперив мрачный взгляд в экран телефона, на котором появилось какое-то сообщение.

– Уж всяко лучше, чем твоя бывшая. Я про Клои. У той явно с головой не все в порядке. Сэл отложил телефон.

– Да, ты прав. Тесс и впрямь славная. Но не думаю, что нас хватит надолго.

– Со стороны вы кажетесь прекрасной парой! Даже счастливой.

– Так и есть, – ответил он. – Мы счастливы.

– А что в этом плохого?

Сэл вздохнул:

– Некоторым по душе, когда сегодняшней день ничем не отличается от вчерашнего. Когда точно известно, каким будет завтра.

– Пожалуй, так спокойнее – видимо, в этом все дело.

– Ну да. И проще. – Он осушил стакан.

Отношения Сэла и Тесс продлились пять лет. Они были одной из тех парочек, которым завидуют другие. Вечера они проводили на диване в обнимку, за просмотром старых фильмов. Их мнения о том, какой цвет выбрать для стен, на какой концерт пойти и какой десерт заказать на двоих, всегда совпадали. Когда они вместе ели карри, Сэл окунал свой пападам в чатни из манго и лука, а Тесс предпочитала йогурт и лайм.

Они обсуждали свадьбу, планировали завести детей – или хотя бы щенка. Сэл даже заговаривал о переезде в другой город, о покупке билета в кругосветку, чтобы выяснить, в какой стране им будет уютнее всего, на что Тесс улыбалась и говорила, что год во Франции ее вполне устроит.

Но однажды Тесс, вернувшись домой пораньше, застала Сэла в постели с другой. И начала громить квартиру, срывать занавески, сдирать крупными кусками обои, которые они выбрали вместе. Сэл, пытаясь ее успокоить, сжимал ее запястья – да так крепко, что на коже остались лиловые синяки. Потом, в телефонном разговоре, он признался, что просто хотел, чтобы она перестала себя калечить. Он не осознавал собственной силы.

А Тесс рассказала, что они, по сути, даже не трахались. Да, на полу валялись их вещи, а вся комната пропахла сексом, но ее добило другое. То, как нежно та женщина придерживала его голову, пока Сэл спал у нее на груди, безмятежно подложив ладони под подбородок. «Мне он никогда не позволял так себя обнимать, – призналась она. – А я всегда мечтала об этом – но он вечно отстранялся».

Когда Тесс обнаружила любовницу, та потянулась и зевнула, будто не произошло ровным счетом ничего необычного. Она скинула одеяло и осталась лежать посреди кровати совершенно голая, с улыбкой наблюдая, как они кричат друг на друга.

Так и началась эпоха Матильды.

Лето 2003

– Заходи.

Анна жила в одном из шести одинаковых домов, построенных на тупиковой улочке в элитном районе города. Такие особнячки – просторные, ухоженные – часто украшают обложки тематических брошюр или иллюстрируют статьи из раздела «Имущество и финансы». Аккуратные красные кирпичики и белоснежная облицовка будто кричат: «Ну вот ты и на месте!» Пробуждают амбиции.

Она стояла на крыльце, украшенном аркой, босая, прислонившись к дверному косяку. Перед выходом из дома я дважды переоделся, добирался до места аж на двух автобусах, а теперь она приглашает меня войти так, будто ничего обыденнее на свете и быть не может. Будто я ее парень.

Я закрыл за собой дверь, сбросил обувь – отчасти по привычке, а отчасти и потому, что начищенные до блеска полы из белого мрамора, казалось, совсем не готовы были к тому, чтобы их пятнал какой-то чужак. Плитка обожгла вспотевшие ступни холодом.

– Как добрался, без приключений? – спросила Анна, уперев руки в боки.

– Да, прекрасно.

– Как-никак живем мы на отшибе. Я вечно переживаю, что людям сюда чересчур далеко ехать.

– Да брось, все прекрасно.

– Ну и жара сегодня. – Она прижала ко лбу тыльную сторону ладони. – Пить хочешь?

– Не откажусь.

Мы пересекли коридор и подошли к окну, в которое ослепительно било солнце. По обеим сторонам поблескивали стеклянные двери, ведущие в большие, одна другой просторнее, комнаты, выстеленные светлыми коврами и начищенные до блеска. Казалось, передо мной декорации рая, не меньше. Кругом ослепительная, абсолютная белизна, и спрятаться негде.

Анна шла впереди, а я шел следом и пялился на нее. В коротких джинсовых шортах ее фигура смотрелась ничуть не хуже, чем у меня в постели.

– Кола пойдет? – спросила она, когда мы вошли в кухню.

Ее вопрос эхом разнесся по комнате. Посреди, в окружении бескрайних столешниц, стоял гигантский кухонный остров, и я легонько постучал по его каменной поверхности. Явно не из дешевых.

Анна открыла холодильник – американский, с двумя серебристыми сверкающими дверцами, и в отражении одной из них мелькнул беспокойный призрак, тревожным аккордом нарушив безмятежную атмосферу. Лишь спустя пару мгновений я понял, что это я.

Анна протянула мне банку колы, а другую прижала ко лбу и облегченно закрыла глаза. Губы ее слегка приоткрылись.

– Здорово тут у тебя, – сказал я, переминаясь с ноги на ногу.

– Серьезно? – Она открыла глаза и равнодушно пожала плечами: – Дом на любителя, как по мне.

– А тебе тут не нравится?

Она с щелчком дернула за кольцо на банке.

– Ну зачем нужны две посудомойки?

И только тогда я впервые заметил, что здесь всего в избытке. Две плиты, две посудомойки, две раковины, два винных холодильника. Над кухонным островом висели три светильника цвета фуксии – абсолютно одинаковые, расположенные аккурат над тремя барными стульями. И тут я вдруг обратил внимание на то, что столешница пуста. А где же тостер, подумал я. Где чайник, где армада кухонных приборов, где куча бумажных счетов?

Я посмотрел на Анну, которая стояла, облокотившись на мраморный остров, и меня вдруг поразило, до чего чуждо тут выглядит и она с этими ее облезлыми ногтями и теплыми руками. С обстановкой ее роднило только одно: яркие, под стать светильникам, алые губы. Но, приглядевшись, я заметил, что все дело в помаде.

– Есть хочешь? – спросила она.

Я пожал плечами:

– А ты?

Она устремила к холодильнику.

– Сейчас сделаю сэндвичи, – сообщила она, доставая масло, мясную нарезку и банку пикулей.

Я внимательно наблюдал за ней. Основательно погрузив нож в баночку, она срезала толстые куски масла, которые потом щедро намазывала на хлеб плотными полосами. В отличие от папы она ни разу не переложила излишки масла с одного ломтика на другой и не стала делить одну порцию масла на два, а то и на три кусочка хлеба. Готовь она тосты, на поверхности наверняка бы остались круглые дорожущие лужицы нерастаявшего масла. Оно бы неспешно стекало по нашим подбородкам, оставляя блестящие следы. Сам я намазывал хлеб маслом так же, как папа, и задумался, что бы вышло, если бы мы с Анной съехались. Смог бы кто-нибудь из нас подстроиться под другого, или мы без конца ссорились бы из-за того, что мажем масло по-разному?

Сэндвич оказался божественным. Когда мы доели, Анна открыла посудомойку и загрузила в нее наши тарелки.

– Экскурсию хочешь? – спросила она, закрывая крышку.

– А твои когда возвращаются?

– Сегодня. Самолет приземлится через час.

Анна провела меня по нескольким комнатам, показывая то одно, то другое и называя своих родителей не иначе как мать и отец.

– Вот тут хранится полная коллекция первых изданий книг о Бонде, – поведала она, похлопав по огромному сейфу, стоящему в углу кабинета. – Отцовская радость и гордость. – И затем, когда мы перешли в столовую: – А вот тут мать каждое утро пьет чай с мятой и читает комментарии к Библии перед вторым завтраком и маникюром.

В комнатах не нашлось ни единой фотографии – не считая большого студийного портрета, висевшего в гостиной, на котором были изображены все четверо. Мать с отцом сидели на стульях, а дети стояли по бокам, и одну руку каждый держал на плече у родителя, а другой сжимал его ладонь. Наряды пастельных тонов отчетливо выделялись на темном крапчатом фоне, а лица сияли буржуазной респектабельностью. Судя по Анне, снимок сделали лет пять назад. Одета в лиловое платье с пышными рукавами, она улыбалась со всей неуклюжестью желторотого подростка. Отец был лысый и в очках, а мать, несмотря на уже немолодые годы, оказалась смуглой, знойной красавицей. Брат выглядел в точности как мальчишки, которые задирали меня в школе каждый раз, стоило мне войти в класс. Найковские спортивные штаны, безупречная прическа.

– Ну и мерзость, скажи? – послышался у меня за спиной голос Анны.

– Впечатляет. – Я сунул руки поглубже в карманы.

– Мы похожи на семейку серийного маньяка. Мать еще в этом костюме-двойке и в жемчугах. Она ведь целый месяц раскладывала на кровати разные наряды, навязывая нам свои представления об идеальной семье. – Анна шумно втянула ртом воздух. – Ты только посмотри, в чем меня запечатлели для истории. В лиловом, черт бы его побрал, платье!

– Выглядишь, между прочим, очень даже соблазнительно.

– Мне тут четырнадцать, извращенец!

Я пожал плечами:

– А мне тогда было семнадцать. Невелика разница на самом деле.

– Пойдем. – Она взяла меня за руку и потянула к двери.

Каждую комнату в этом доме украшал какой-нибудь лозунг или наставление. На стенке буфета в столовой крупным витиеватым курсивом было написано «ЕШЬ!», над кухонной плитой значилось «СТРЯПАЙ!», а в гостиной красовалось вышитое «ОТДОХНИ!». В ванной над входом я прочел надпись «ИСКУПАЙСЯ», выведенную синей краской – в тон двери. На подоконнике стояла миска, полная морских камешков.

– Мать привозит камни с каждого пляжа, – пояснила Анна и, взяв один из камешков, перевернула его, продемонстрировав надпись, сделанную черным маркером. «Барбадос, 98».

Мне вдруг стало интересно, есть ли у них бассейн. В таких домах они обычно бывали. По пути сюда я остановился купить холодного пива в газетном киоске, на который повесили билборд с надписью: «Животных в зоопарке мажут солнцезащитным кремом и угощают замороженными фруктами». «Скорее бы пошел дождь, – сказала какая-то дама продавщице. – А то у меня латук гибнет».

Я пошел за Анной наверх, накрыв ладонью ее ладонь, скользившую вверх по перилам. Прикосновение ее руки и холодного металла раззадоривало, и я, осмелев, вытянул вторую руку и коснулся ее обнаженной талии. На верхней ступеньке Анна остановилась, и я обнял ее, прижал к себе и поцеловал изгиб шеи. В тот миг я чувствовал свою власть над ней, чувствовал, как она обмякла у меня в руках. Я знал, что она хочет меня не меньше, чем я ее.

– погоди, – сказала она и отстранилась. – А как же наша экскурсия? Ты что, забыл?

Она распахнула соседнюю дверь.

– Комната любимого братца.

За дверью появились безупречно заправленная кровать и стена, увешанная неровным строем с виду очень дорогих гитар. Спальня выглядела пустынной, казалось, тут уже давно никто не жил.

– Брат за границей, – пояснила Анна. – Служит там, где велика нужда.

– То есть?

Она закрыла дверь.

– А, забудь.

Она остановилась у порога следующей комнаты и посмотрела на меня:

– А это моя комната.

Спальня Анны была раз в пять больше моей. Пол выстелен точно таким же светлым ковром, как и в остальной части дома, но стены выкрашены в ярко-алый, и это сразу бросалось в глаза.

– Мать их терпеть не может, – злорадно проговорила Анна. Посреди спальни высилась одноместная кровать, а рядом с ней приткнулся туалетный столик с зеркальцем, к которому Анна прикрепила поляроидные снимки с вечеринок. Анна с друзьями, Анна на танцполе, позирует, широко раскинув руки, Анна у своей машины красуется с ключами в одной руке и бокалом шампанского в другой. Весь стол был завален косметикой и украшениями, а посреди этого хаоса возвышалась стопка книг. Еще там валялась расческа; вокруг щетинок обмотались длинные, черные нити волос – точно такие же Анна оставила и в моей постели.

Мне девичья спальня всегда представлялась чужой страной. Все здесь происходит совсем по-другому.

Я опустился на край кровати, в которой еще не спал ни один мужчина. Анна подобралась ко мне, уселась мне на колени, обхватила мое лицо руками и приникла к моим губам.

Чувствуя, что только что успешно сдал какой-то экзамен, я с жаром ответил на ее поцелуй. Но Анна вдруг остановила меня:

– Еще одна комната.

Она провела меня по коридору к самой дальней двери. За ней таилась хозяйская спальня: просторная, темная комната со сводчатым потолком и зеркальными шкафами, поставленными вдоль одной из стен. Угловая дверь, по всей видимости, вела в ванную, но ее мне Анна показывать не стала – на этом наша экскурсия подошла к концу. Анна потянула меня к кровати – просторной тахте, выставленной атласным персиковым покрывалом.

– Что ты делаешь?

Она опустилась на колени и приблизилась к моему уху.

– Тихо, – прошептала она, и я почувствовал прикосновение ее языка. А потом Анна расстегнула мне джинсы и толкнула меня на кровать.

Сердце бешено заколотилось в груди, а по всему телу разлилась истома. Я остановил взгляд на табличке, висящей над кроватью – она была деревянной, и на ней крупными буквами старательно вырезано слово «ЛЮБИ!».

Спорить я не стал.

* * *

Матильду я невзлюбил с самого начала.

Она в точности соответствовала идеалам Сэла: темные волосы, кожа бледная, как лунный свет. Ее красота бросалась в глаза, но сама она ее будто и не осознавала. Лора называла ее «элегантной до жути», и она обладала тем качеством, какое часто встречается у француженок, умеющих эффектно себя подать, не показывая, как именно они этого добились. Словно это не стоило им ни малейших усилий.

Гардероб Матильды состоял из черных узких джинсов, ботинок в байкерском стиле и пушистых оверсайз-свитеров с открытой спиной, которые она обычно носила, беззастенчиво обнажив плечо. «Прикройся, а то простынешь!» – часто говорил ей я, будто обеспокоенный дядюшка. Хотя и сам понимал, до чего нелепо звучат эти слова. Вместо ответа Матильда только скидывала бровь.

Чувство юмора отсутствовало у нее напрочь. Даже если Сэл откалывал какую-нибудь особенно удачную шутку и все кругом просто валились от смеха, она продолжала сидеть, подбрав под себя обнаженные лодыжки, а на лице у нее отчетливо читались скука и превосходство. Меня чуть ли не до бешенства доводила мысль о том, что человек, одержимый чисто внешней стороной вещей, способен относиться к самому себе с такой серьезностью.

Мы были единственными курильщиками в нашей компании. Казалось бы, это могло нас сблизить, и еще разговоры с глазу на глаз, которые мы вели в своих изгнаниях на улицу, но даже здесь она ухитрялась заткнуть меня за пояс.

– Фу, ну и вонь! – говорила она всякий раз, стоило мне только закурить, и размахивала руками, словно отбиваясь от незримого врага. – Ох уж эти англичане, вечно дымят, как фабричные трубы! *Merde*³. Всех нас перетравите.

Потом она принималась изготавливать самокрутку.

– А ты в курсе, что от самокруток не меньше дыма, а, Матильда?

– *Oui, oui*⁴, Николя, – отвечала она с тоской в голосе.

Мы всегда звали друг друга не иначе как полными именами, вот только в моем она вечно опускала последнюю «с» на французский манер, и потому оно звучало каким-то неполноценным. Вечно ей надо было подчеркивать свое превосходство.

Хотя религией, мягко скажем, Матильда не увлекалась, она носила на шее старинные четки. Коричневые, но у каждой бусинки свой оттенок – и при взгляде на эти четки я вспоми-

³ Мерзость (*фр.*).

⁴ Да, да (*фр.*).

нал накидки, покрывавшие сиденья в дедушкиной машине, когда мы были еще маленькими. Крест серебряный, изысканно украшенный, и на моей памяти Матильда не раз сидела с выражением бескрайнего презрения на лице и поглаживала распятого Иисуса. Как-то раз я смотрел фильм, где монахиню задушили ее собственными четками. И сразу подумал о Матильде.

– Будь с Тилли поласковее, – просил меня Сэл. – Ты ей очень нравишься, честное слово. Она в толк не возьмет, почему рядом с ней ты вечно выкидываешь какие-нибудь фокусы.

На Сэла Матильда действовала обезоруживающе. В ее присутствии он только и делал, что успокаивал ее и пытался соответствовать ее невысказанным стандартам. Я уже начал было подозревать, что она – профессиональный гипнотизер, а временами даже спрашивал себя, не замешана ли тут черная магия. Ловил себя на том, что пристально слежу за ней, гадая, не ворожит ли она. Лора называла меня параноиком.

– И что он в ней нашел? – недоумевал я. – Не считая очевидных эстетических достоинств, разумеется.

– А разве не за это мужчины любят женщин в девяноста процентах случаев? – парировала Лора. – Да и потом, Сэл последнее время держится молодцом. Видел его зрачки вчера? Он явно завязал с таблетками, а значит, это общение идет ему на пользу!

Сэл и впрямь стал меньше пропадать на тусовках и поумерил страсть к наркотикам. Я не спорил с тем, что это прекрасно. Но знал и то, что истинная причина кроется в том, что Матильда требует, чтобы он не отходил от нее ни на шаг, восхищался ею и готовил ей ужины, которые она потом выблюет в унитаз. У положительного следствия была вполне себе негативная причина, и принять это я никак не мог.

Я пытался поговорить с братом.

– Я люблю ее, – признался Сэл, уставившись в свой стакан с пивом. – И это чистая правда, черт побери. Никогда еще этого не говорил. И уж точно не чувствовал.

Он совсем потерял голову – я видел это по глазам.

– В ваших отношениях она тебя подавляет, – сказал я. – Может, будешь посдержаннее проявлять свои чувства?

Сэл озадаченно посмотрел на меня:

– То есть?

– Не стоит раскрывать перед ней душу нараспашку, – пояснил я и, поднеся сигарету к губам, глубоко затянулся. – Не хочу, чтобы она тебя ранила. Только и всего.

– Говоришь, я рядом с ней становлюсь другим человеком, – сказал он. – Так и есть. Рядом с ней мне хочется стать лучше, стать таким, каким она меня хочет видеть. Но разве это плохо? Пытаться быть лучше? Разве не такой должна быть любовь?

Я пожал плечами. Мы допили пиво.

В ту ночь, когда Лора уснула рядом со мной, я внимательно всмотрелся в ее черты. Светлые волосы разметались по подушке и казались почти черными. Она лежала отвернувшись, и в оконном стекле отражался силуэт ее тела, которое мерно приподнималось и опадало. Каждое ее движение было привычным, как тиканье знакомых часов. Я немного полежал наедине с мыслями о ней. А потом – не о ней, и наконец закрыл глаза.

Лето 2003

– Расскажи, во что ты веришь, – попросил я.

– А зачем?

– Хочу понять, что для тебя реально.

Мы сидели на каменистом побережье мыса Дандженесс, а над нами белело пропитанное влагой небо. В то время мы виделись буквально каждый день, как будто чувствовали, что конец уже близок. Но на работе старались избегать друг друга. Слухи о нас вспыхнули мгновенно, точно лесной пожар, которому только и нужно, что легкий ветерок, и его уже не остановить, – но я и сам этого желал. Это стало чем-то вроде бонуса к тому, что происходило между нами, когда мы наконец оставались наедине. Теперь, заключая Анну в объятия, я острее и ярче ощущал каждое ее прикосновение – это было сродни лихорадке, от которой совсем не хотелось лечиться.

А здесь, на Дандженессе, нас не знал никто.

– Что для меня реально? – Анна зачерпнула пригоршню камешков. – Я и сама вот уже девятнадцать лет как пытаюсь это понять.

– Что будет после смерти?

Анна заерзала. Я почувствовал, что ей неудобно, и даже подумал, не сменить ли тему, но, сказать по правде, куда больше мне тогда хотелось усугубить ее смятение.

– В Библии сказано... – Она глубоко вдохнула. – В Библии смерть называют крепким сном. Однажды на земле разгорится страшная война под названием Армагеддон, и все усопшие воскреснут в раю.

Я кивнул, как будто хоть что-нибудь понял.

– И когда случится этот Армагеддон?

– В Библии сказано, что мы живем в последние времена, так что он может начаться в любой момент.

– И даже завтра?

Она кивнула со смущенной улыбкой:

– Когда я была маленькой, взрослые говорили, что школу я не закончу, потому что конец света случится раньше. Говорили, что я не успею выйти замуж и родить детей, потому что к тому моменту уже воцарится новый мир.

Я вскинул брови:

– Ничего себе.

– Тебе, наверное, очень странно такое слышать.

– Выходит, все умершие воскреснут, ну а дальше-то что?

Анна ответила не сразу:

– Их ждет вечная жизнь в раю. У нее не будет конца.

– Что ж, здорово, – одобрил я. – Это по мне. А в чем суть этой самой войны... Этого... Армагеддона?

– Это битва добра со злом, – пояснила Анна, не глядя мне в глаза. – Те, кто жил в истине и благочестии, выживут и попадут в рай, а те, кто творил зло, погибнут.

Я задумчиво почесал подбородок.

– А что такое «благочестие»?

Анна закрыла покрасневшее лицо руками:

– Чего ты от меня вообще хочешь, черт возьми? Библейских толкований и проповедей?

– А ты разве не ради них стучишься к людям в двери?

– К незнакомцам, – уточнила она. – Отрабатываю положенный час – и все, свобода. Не заставляй меня этим еще и в выходные заниматься.

– Я думал, тебе это важно.

– Важно. – Она взяла камень и сжала в ладони. – Вот только я всю свою жизнь изгой, ни на кого вокруг не похожий. И совсем не хочу об этом думать рядом с тобой.

Посреди пляжа стояла деревянная палатка с голландской дверью, обе створки которой были распахнуты в ожидании посетителей. Я оставил Анну на камнях и поспешил к домику, чтобы купить нам чего-нибудь попить. Внутри на пластмассовом стуле восседал старик-продавец, спрятавшись за цветастой обложкой какого-то таблоида. На голове у него была фетровая шляпа, слегка сдвинутая на затылок, и этим он напомнил мне дедушку.

Я прочистил горло. Он поднял взгляд и опустил газету. Почувствовав, что он не особо расположен болтать, я отвернулся и стал смотреть на море, пока он наполнял два пластиковых стаканчика чаем.

Я вернулся к Анне, всю дорогу чувствуя на себе ее внимательный взгляд. Солнце отыскало прореху между облаками и осветило крошечный островок на каменистом пляже, где она сидела. Мне вдруг подумалось – до чего это странно, что она никогда не сможет взглянуть на себя моими глазами.

Мы неспешно пили чай и смотрели на безмятежное море.

– А знаешь, какой ты? – спросила она, немного помолчав.

Я взглянул на нее.

– Ты от мира сего.

– Это как?

– «И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек»⁵. Ты – от мира сего и приносишь с собой одно только разрушение.

Я допил остатки чая.

– Получается, я погибну в этом самом Армагеддоне?

Анну мои слова не позабавили.

– А как сделать так, чтобы не быть «от мира сего»? – спросил я.

– Надо стать... одним из нас.

– То есть все как у католиков, – продолжил я, припоминая, как к нам в школу приходили священники. – Надо пить кровь Христову и искупать свои прегрешения? Думаю, я справлюсь.

– Никакой крови! – поправила меня Анна. – И переливания под запретом, не забывай. Кровь священна. Это символ жизни, и никто не вправе отнимать и даровать ее, кроме Господа.

Я закурил.

– Звучит интересно. Совсем другой мир. Может, станешь моим учителем?

– Кто, я? – переспросила Анна и рассмеялась. – Боюсь, у меня и для ученицы квалификации маловато!

Я переложил сигарету в другую руку, подальше от нее.

– Судя по тому, что ты рассказываешь, у вас там все под жестким контролем.

– Пожалуй, так. У нас очень много правил.

– И в то же время ты производишь впечатление свободного человека. На коротком поводке тебя не держат.

– Я тебе что, собака?

– Нет, конечно, – со смехом возразил я. – Я к тому, что ты ведь сейчас здесь, со мной. И работаешь с толпой этих, как их там, «от мира сего».

⁵ Ин. 2: 17.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.